

Отец наших отцов

Автор:

[Бернар Вербер](#)

Отец наших отцов

Бернар Вербер

Бесконечная Вселенная Бернара Вербера Учёные-авантюристы #1

Жестоко и беспощадно убит уважаемый профессор палеонтологии. Он открыл нечто такое, за что и поплатился жизнью. А именно – недостающее звено в эволюции человека. Неужели правда о нашем происхождении так страшна? Но это только слухи. Или нет? Два отважных журналиста не побоятся выяснить правду, даже если им придется спасаться от пуль, отправиться в колыбель человечества и отбиваться от теорий самых безумных ученых современности.

Бернар Вербер

Отец наших отцов

Bernard Werber

LE P?RE DE NOS P?RES

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Барнабе

«То, что я думаю,
То, что хочу сказать,
То, что вроде бы говорю,
То, что говорю,
То, что вам хочется услышать,
То, что вы вроде бы слышите,
То, что вы слышите,
То, что вам хочется понять,
То, что вы понимаете, –
все это варианты трудностей
с коммуникацией.
И тем не менее попытаемся...»

Энциклопедия относительного и абсолютного знания Эдмонд Уэллс

Недостающее звено

1. Три вопроса

Кто мы?

Куда идем?

Откуда взялись?

2. Бутылка в море

Париж.

Наши дни.

Профессор Аджемьян вышел из кухни.

Сев за письменный стол, он взял черную ручку и записал в блокноте: «Готово. Наконец-то нашел. Я знаю, как ответить на один из трех фундаментальных вопросов, которыми обязан задаваться любой человек: «Откуда мы взялись?»

Он немного помедлил, раздумывая, как лучше продолжить, и быстро застрочил: «Я знаю, в какой момент появился первый человек. Знаю, почему животное в один прекрасный день превратилось в существо с настолько сложным разумом, что теперь оно способно заниматься любовью, обернув половой член латексом, по четыре часа в день смотреть телевизор и по собственной воле забиваться в душные вагоны метро вместе с сотнями себе подобных».

Он растянул губы в безрадостной улыбке, набрал в легкие побольше воздуха и продолжил: «Я знаю, почему и как родилось человечество. Мне известна личность того, кого, за неимением лучшего обозначения, привычно именуют «недостающим звеном».

Щеку профессора свело нервным тиком.

«Это страшный секрет. Мир вздрогнет от удивления, когда я его разглашу. Потому мне и требуется помощь от тебя – того, кто меня читает. Ты ни в коем

случае не должен подвести».

Ручка перестала писать. Он порылся в ящике стола и нашел другую. «Ничуть не сомневаюсь в своем открытии, но ты знаешь людей. Большинство ничего не слышит. Те немногие, кто слышит, не слушают. Редкие слушающие не понимают. Что же до тех, кто мог бы понять... Этим все равно. Что проку раскрывать тайну человечества, если она никому не нужна? Мало подарить, надо подготовить людей к приему подарка. Информация о том, что Земля круглая, распространялась очень и очень постепенно. Вот и секрет недостающего звена надо распространять постепенно. Никого не задевая. Сначала просто возвращаясь к давно позабытой старой диковине и лишь потом наполняя ее смыслом».

Профессор Аджемьян перечитал написанный абзац и продолжил: «Этот секрет приводит в замешательство. До того как начались мои исследования на Африканском континенте, я не мог и помыслить о том, что я там открою. Но я молю тебя верить мне. Я обнаружил истину, самую истинную истину. И я располагаю доказательствами этого».

Он утер со лба пот.

«Без тебя, без твоего доверия, без твоей поддержки все мои труды ни к чему не приведут. Прошу тебя, помоги. Пришло время дать ответ на великий вопрос: откуда мы взялись».

3. Спасайся кто может

Где-то в Восточной Африке.

3,7 миллиона лет тому назад.

ОН только что выскочил из расселины.

ОН бежит, задыхаясь на бегу.

Рядом с ним раздаётся хриплое дыхание его брата.

Ответственный момент.

Они с братом приблизились к стае гиен и раздражили их звуками и жестами. Животные бросились за ними в погоню. Это обычный способ заманить добычу в ловушку. Задача братьев – завлечь гиену и подманить ее к большому дереву. С его низких ветвей на животное прыгают их притаившиеся среди листвы соплеменники и, пользуясь тем, что их целая орава, душат хищника.

Но сегодня все гораздо сложнее. Во-первых, гиен целых три, причем крупных, и они сами устроили погоню. Во-вторых, в панике отчаянного бегства оба беглеца потеряли ориентиры и совершенно заплутали.

Куда подевалось большое дерево, на котором засели их соплеменники?

Они мчатся что есть силы, галопом. Впереди большая лужа грязи. Они без раздумий прыгают в грязь: она сильно замедляет скорость бега гиен. ОН и его брат способны бегать и на двух, и на четырех конечностях, гиены же этого выбора лишены.

Они выпрямляются и бесстрашно форсируют лужу на двух ногах. Грязь хоть и липнет к ним, но не замедляет бега, тогда как четвероногие вязнут в грязи. Они с братом уверены, что гиены откажутся от преследования, но те, с трудом преодолев лужу, кидаются следом за ними с утроенной свирепостью.

ЕМУ и его брату снова приходится улепетывать.

Самая быстроногая из гиен почти настигает их, ОН уже чувствует на своих икрах ее горячее зловонное дыхание. Основное правило погони – никогда не оглядываться. Что бы ни происходило – ни за что! Но любопытство – страшная сила. ОН не может побороть желание выяснить, догоняет ли его гиена. Он чуть поворачивает голову и видит разинутую пасть и готовый выпиться в него острый клык.

4. В ванне

Глубокая рана ниже пупка походила на растянутый в злобной усмешке рот. Профессор Аджемьян получил удар в живот чем-то острым и перестал двигаться.

Он остался сидеть, окаменевший, как от изумления, в собственной крови.

Распахнутая входная дверь поскрипывала на петлях.

Первой на него наткнулась горничная. Бормоча португальскую детскую считалку, она приступила было к уборке квартиры, как вдруг обнаружила в ванне окоченевшее тело профессора. Издав пронзительный крик, она быстро перекрестилась и помчалась на первый этаж, за мужем, работавшим охранником. Тот поднялся в профессорскую квартиру, длинно выругался на тему невыясненных особенностей половой жизни неких португальских святых и позвонил в полицию.

Сначала на площадке перед квартирой собрались соседи, привлеченные шумом, но на всякий случай не дерзавшие переступить через порог. Потом: троица полицейских, официально взявшая под контроль место преступления. Потом: молодой инспектор изнуренно-скептического облика. Потом: журналист из агентства новостей, перехвативший на рации в своей машине вызов полиции. Потом: два журналиста ежедневных изданий, еще не отошедшие после вчерашней полицейской облавы, затянувшейся допоздна. Потом: очередная порция любопытных соседей, интересующихся у остальных, что произошло. Потом: журналистка из еженедельника, по случайности проживающая этажом выше, спокойно спускавшаяся по лестнице и заинтригованная суматохой. Стороживший дверь полицейский пропустил ее, проверив журналистское удостоверение. Потом: мухи. Потом: клещи-трупоеды. Последние, впрочем, ввиду необходимости преодолеть большое относительно их размера расстояние, настигли труп позже всех остальных.

Молодой инспектор внимательно осмотрел место преступления, пересек его взад-вперед во всех направлениях и поделился с присутствующими журналистами своими умозаключениями. У него выходило, что преступление совершил, скорее всего, жадный до крови серийный убийца. В квартале у него было уже несколько жертв. Каждый раз обстоятельства были примерно одинаковыми. Убийца слонялся по коридорам жилых домов в поисках двери,

которую жилец по оплошности оставил незапертой. Набредя на такую дверь, он входил в квартиру, хватал первый подвернувшийся под руку предмет, годный на роль оружия, и наносил им смертельный удар.

– С начала месяца это уже пятое преступление такого рода. Все одно и то же. Ни следов, ни признаков незаконного проникновения, дверь не взломана. Орудием убийства послужил предмет, подобранный здесь же, – один из палеонтологических молотков, их в кабинете полно. Наверное, убийца унес его с собой, чтобы выбросить в мусорный бак. Если бак еще не увезли, то, скорее всего, изучение местного мусора позволит найти молоток.

Расследование, едва начавшись, уже завершилось. Молодой полицейский попросил журналистов непременно напомнить читателям о необходимости тщательно запирать за собой двери. Особенно в больших городах, где лучше ко всем вокруг относиться с недоверием.

Журналисты не изъявили намерения запомнить эту гражданственную рекомендацию. Они увлеченно орудовали фотоаппаратами, подбирая выигрышные ракурсы.

Инспектор поглядывал издали на журналистку еженедельника. Она казалась в этом тусклом антураже феерическим видением. Длинная шевелюра рыжих, мелко вьющихся волос, перехваченная черной бархатной лентой, изумрудно-зеленые глаза, китайская куртка-безрукавка, тонкие плечики напоказ, хотя воротник в стиле «Мао» скрывает шею, изящная манера передвигаться в манере юркой мышки... Перехватив ее заинтересованный взгляд, он изобразил суровость.

– В какой газете вы работаете и как ваше имя, мадемуазель?

– Лукреция Немрод, «Геттёр Модерн». Только не волочитесь за мной, не тратьте время зря. Я никогда не смешиваю удовольствие и работу, – ответила она, увлеченно чавкая жвачкой.

Молодой человек покраснел и отправился к караульным у двери, чтобы нещадно отчитать их за то, что они до сих пор не разогнали стайку соседей, все еще топтавшихся на пороге.

Своей отповедью журналистка добилась желаемого – осталась одна. Теперь она могла разглядеть папки на столе убитого. Одна была озаглавлена Curriculum vitae. Открыв ее, она обнаружила, что профессор Аджемьян был, скорее всего, светилом науки: об этом свидетельствовали его дипломы палеонтолога, выданные французскими, английскими и американскими университетами.

Следующей она полистала папку «Пресса», где случайно наткнулась на свежую вырезку. Профессор сообщал, что скоро займется раскопками в Танзании, в ущелье Олдувай, где постарается выявить «истинную природу недостающего звена» человечества.

Вдоль стен стояли виселицы-кронштейны, на которых болтались в петлях из скрученной проволоки обезьяньи скелеты. Справа под стеклом поблескивали сотни лакированных костей с аккуратными этикетками. Слева красовались фотографии гримасничающих шимпанзе, здесь же экспонировался всевозможный инвентарь для раскопок: заступы, лопаты, щетки, скребки, увеличительные стекла, ассортимент ледорубов.

Она заглянула в ванную. Под вспышками ее коллег-журналистов голое белое тело профессора Аджемьяна, сидевшее в ванне, выглядело как восковой манекен, замоченный в сливовом соке. Трупное окоченение сделало свое дело. Глаза мертвого ученого были широко распахнуты, рот разинут, брови залезли на лоб.

А вот положение тела вызывало любопытство. Левая рука была опущена в воду смертельной ванны, тогда как правая рука вцепилась в фаянсовый борт, причем указательный палец указывал на зеркало.

Можно было подумать, что перед смертью профессор хотел указать на что-то или на кого-то, отражавшегося в нем.

5. Животный страх

За его спиной беснуется дикий зверь.

ОН едва увертывается от челюстей гиены.

Чтобы выйти из положения, грозящего верной гибелью, нужно поменять траекторию.

Эта мысль повторяется у него в голове снова и снова:

ЧТОБЫ ВЫЙТИ ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ, ГРОЗЯЩЕГО ВЕРНОЙ ГИБЕЛЬЮ, НУЖНО ПОМЕНИТЬ ТРАЕКТОРИЮ.

ОН столько ее мусолит, что в конце концов до него доходит смысл, и ОН резко сворачивает вправо.

Смена курса.

Другим, если они хотят и дальше бежать за ним, тоже надо изменить траекторию. Быстрее всего реагирует его брат. Но и три гиены поступают так же и продолжают преследование. Проблема с гиенами – их упорство. Они способны преследовать добычу на большие расстояния, бывает, что по несколько дней кряду.

Он удлиняет скачки. Брат выбился из сил, его дыхание становится все более хриплым. Что поделаться, если не имеешь длинных острых клыков, надо иметь объемные легкие и мускулистые лапы.

Брату так не терпится достичь большого дерева, что он смотрит только вперед. Но в поле зрения ничего нельзя различить. Жара привела к засухе, деревья чахнут, слонам все легче их ломать, что приводит к расширению безлесного пространства. Все обширнее делаются степи с высокой травой, саванны с редкими акациями и баобабами, а больших густых деревьев становится все меньше. Из-за этого ОН и его соплеменники превращаются в легкие жертвы для плотоядных хищников.

Гиены все ближе. Одна выбрасывает вперед лапу, и сбитый с ног брат оказывается на земле, катится кубарем. Проблема двуногих в том, что им грозит гибелью любая подножка. В него уже вцепились две гиены. Одна выгрызает ему нос, чтобы не двигался, другая уже погрузила клыки ему в живот.

Прощай, братец, на соболезнования нет времени.

Третья гиена, самая жирная, не прекращает преследование. ОН бежит зигзагами в надежде ее утомить. Но все напрасно. ОН уже знает, что если прямо сейчас не найдет соплеменников, то ему не выжить.

Куда же подевалась родная стая?

6. Рубрика «общество»

Малый конференц-зал на первом этаже был полон, там собрались сотрудники редакции «Общество» журнала «Геттёр Модерн». Лукреция Немрод впервые участвовала в этом ритуале, и Фрэнк Готье, ее коллега, предложил ей сесть рядом с ним.

Курьер принес пачку экземпляров номера, который появится в киосках завтра. Журналисты все расхватили, чтобы проверить, не сократили ли в последний момент их статьи и не забыли ли подписать их именами авторов.

Председательствовала на летучке Кристиана Тенардье, заведующая рубрикой, защищенная массивным столом из холодного мрамора. Поприветствовав сотрудников, она сразу их поторопила, предупредив, что в час дня у нее важная встреча за ланчем.

– Работаем, – продолжила она, – как обычно, предложения вносим по очереди, по часовой стрелке: каждый предлагает для следующего номера свою тему.

Максим Вожирар, журналист, под юмористическим углом обозревавший социологическую тематику, взял слово первым. Он собирался написать статью об исчезающей профессии – торговцах субпродуктами.

– Ввиду недавно открытых опасных свойств некоторых белков, присутствующих в организмах крупного рогатого скота, а также из-за неуместной людской сверхчувствительности, – объяснил он, – потребитель все чаще отказывается употреблять в пищу внутренности, печень, почки, головной и костный мозг. В

результате в ресторанных меню все реже появляются такие традиционные блюда, как требуха по-кански, мозги с каперсами, почки под соусом из мадеры.

Заведующая рубрикой согласилась, что речь идет о благородной борьбе за выживание, и поспешила зажечь зеленый свет реабилитации блюд из внутренностей.

Флоран Пеллегрини, криминальный репортер, пожелал разобраться с историей бабушки, долго жившей взаперти в своей парижской квартире и потом найденной обглоданной собственными кошками.

– Блестящая детективная чернуха, – похвалила заведующая рубрикой, – но только если сдобрить ее юмором.

Клотильда Планкаоэ, специализировавшаяся в экологии, напонила о Чернобыльской атомной электростанции: даже если о ней больше не говорят, она неуклонно погружается в землю и скоро, достигнув горизонта грунтовых вод, отравит всю питьевую воду в округе.

Заведующая рубрикой скорчила гримасу: с ее точки зрения, эта тема вышла из моды.

Тогда Клотильда Планкаоэ вызвалась написать статью о массовых самоубийствах китов на берегах Калифорнии.

– Известно, что киты издают инфразвуковые сигналы, преодолевающие огромные расстояния. Но их прохождению препятствует шум корабельных винтов. Киты лишаются возможности переговариваться и из-за дефицита общения кончают с собой.

Кристиана Тенардье махнула рукой.

– Неинтересно. Моя бедная Клотильда, если воображение ничего вам не подсказывает, кроме затасканных тем и жвачки из англо-саксонской прессы, то впредь вам, наверное, лучше не утруждать себя посещением наших совещаний.

Клотильда Планкаоэ побледнела, вскочила и бросилась к двери, чтобы не доставлять начальнице удовольствие своими слезами. Начальница пожалала плечами и закурила сигару.

– Клотильда слишком ранима, – фыркнула она. – В этом ремесле баба должна быть с яйцами.

Флоран Пеллегрини двинулся было к выходу, чтобы попробовать утешить молодую журналистку-эколога, но хозяйка совещания своим окриком заставила его замереть на месте.

– Бросьте! Кончится приступ уязвленного самолюбия – сама вернется. У нее все равно нет выбора. Следующий!

Гислен Бержерон поднял тему обстановки страха в лицах. Многие преподаватели запуганы учениками, все чаще приносящими на занятия холодное оружие и даже купленное из-под полы огнестрельное.

– Учителя знают: за плохую отметку они могут поплатиться проколотыми шинами, а то и расстаться с жизнью. У многих не выдерживают нервы, только что открыт девятый по счету центр отдыха для преподавателей с профессиональным неврозом.

– Превосходный сюжет! Среди наших подписчиков большой процент работников образования.

Дождавшись своей очереди, Кевин Абитболь, журналист, умевший писать сразу обо всем, предложил составить перечень ста богатейших французов.

Эта тема уже поднималась, конечно, всего месяц назад, но людям нравится знать, кому завидовать, поэтому лучшую гарантию успешных продаж трудно было придумать.

На тот момент в списке не связанных с риском, стопроцентно продаваемых тем фигурировали следующие: «новые холостяки», «вольные каменщики», «кризис недвижимости» и, ясное дело, «сто самых богатых французов». Дальше следовали в порядке убывания «новые диеты для похудения», «Бог и Наука»,

«боли в спине» и «сексуальность французов».

При любом снижении продаж журнала можно было прибегнуть к этим верным средствам. Но наступили времена, когда стадо шло на зов уже не так покорно, как раньше. Официальной причиной этого объявлялось всемогущество телевидения. В неофициальном порядке высказывались претензии к конкурирующим органам печати, выкладывая на прилавки продукцию в более лакомых обложках, с беспроблемными заголовками: «Масоны-холостяки», «Бог и сексуальность французов...» Медлить было нельзя, приходилось выкатывать тяжелую артиллерию. «Сто богатейших французов» – снаряд самого верного калибра.

Довольная заведующая рубрикой продолжила опрос и повернулась к Фрэнку Готье, научному обозревателю. Тот предложил сюжет «гомосексуальность – наследуемый ген?» По его словам, серьезные научные изыскания американской лаборатории позволяли ответить на этот вопрос утвердительно. «Научные», «серьезные», «американская лаборатория» – три позиции, обязанные придать достоверности любому утверждению.

Тем не менее Флоран Пеллегрини поднял руку.

– Прошу прощения... Наследуемый ген? Я, конечно, не ученый, Фрэнк, и все же мне кажется, что гомосексуалы не размножаются.

Все двадцать журналистов в зале от смущения захихикали. Это неуместное веселье рассердило заведующую рубрикой.

– Прекрасный сюжет! – постановила она. – У нас много читателей-гомосексуалов, обожающих статьи такого рода. Им важно, правда это или нет.

Ободренный Фрэнк Готье решил представить свою новую стажерку. Он объяснил, что Лукреция Немрод постигала секреты журналистики в еженедельнике на севере страны, чей главный редактор горячо ее рекомендовал.

Кристиана Тенардье оглядела новенькую с головы до ног, уделив особенно пристальное внимание рельефу упругой груди. Задержался ее взгляд и на длинной мелко завитой рыжей шевелюре. Сама она носила короткие волосы

цвета платины. Зрелая самка человека за считанные секунды разглядела в молодой самке соперницу. Это первое впечатление подтверждалось сигналами от органов обоняния. От Лукреции Немрод тянуло гормонами свежести, не то что от Кристианы Тенардые, вынужденной обильно орошать себя дорогостоящими духами.

В довершение зол Лукреция Немрод обладала природным изяществом. И главное – главное! – дерзким взором, выдававшим уверенность, которую та не теряла даже на чужой территории.

Кристиана Тенардые взяла себя в руки. Она вспомнила статью Пеллегрини, где говорилось, что в женских тюрьмах старые заключенные набрасываются на слишком миловидных новеньких и уголками кусков сахара уродуют им личики. Почему сахар? Потому что шрамы от этого жесткого лакомства ничем не вывести.

– Региональные ежедневники – блестящая школа, – наставительно молвила она. – Какую тему она предлагает?

Лукреция Немрод встала.

– Сегодня утром, выйдя из дома, я застала столпотворение у дверей квартиры, расположенной под моей. Там совершено убийство. Полиция уже прибыла. Моего соседа, принимавшего ванну, убили ударом ледоруба в живот.

Заведующая рубрикой еще раз подождала сигару, грозившую потухнуть, и стала выпускать дым во все стороны, как будто напоминая о своем намерении отравить легкие всем вокруг, кто посмеет ей противоречить.

– Преступление – епархия Флорана Пеллегрини.

– Жертва – известная личность. Это профессор Пьер Аджемьян, один из крупнейших в мире специалистов в области палеонтологии. Он ставил цель обнаружить недостающее звено.

– Что-что?

– Недостающее звено. Первородная загадка. В один прекрасный день обезьяна обернулась человеком. Но не обошлось без промежуточного этапа. Этот этап ученые и окрестили «недостающим звеном». Профессор Аджемьян посвятил всю жизнь поиску недостающего звена, и я уверена, что его убийство – дело рук не случайного человека, как полагает полиция. Его убили именно потому, что он проник в эту тайну и готовился рассказать о ней миру. Ему решили заткнуть рот. Поэтому я предлагаю статью о самых последних научных открытиях, проливающих свет на наше происхождение, и одновременно – расследование гибели профессора Аджемьяна. Получится нечто вроде палеонтологического детектива.

Ответ заведующей рубрикой прозвучал не сразу. Она взяла со стола миниатюрную гильотину, отрубила жеваный кончик сигары, еще раз посмотрела на стажерку и решила, что та слишком хороша собой.

– Нет.

– В каком смысле?

– Нет. Ваш сюжет мне не интересен.

– Это почему же? – заупрямилась Лукреция.

– Причина, без сомнения, – ваш чересчур юный возраст и сугубо провинциальный опыт, из-за чего вы для нашей профессии слишком наивны. В еженедельнике нельзя разрабатывать слишком горячую новость, как эта ваша смерть ученого. Мы неизбежно отставали бы от ежедневных изданий. К тому же я ничуть не сомневаюсь, что это дело уже получило исчерпывающее освещение в прессе.

Фрэнк Готье подтвердил: да, он уже читал в нескольких ежедневных газетах некрологи на смерть профессора Аджемьяна.

– Так или иначе, – заключила с ученым видом заведующая рубрикой, – этот ваш профессор не годится для разработки в прессе. Был бы он актером, певцом, топ-моделью, тогда другое дело: широкую публику волнуют только эти люди. А смерть ученого – это из раздела «Разное».

Лукреция Немрод вонзила взгляд изумрудных глаз в начальственные карие.

– Именно поэтому я и предлагаю расширить сюжет до целого расследования и покопаться в наших корнях. Это ведь один из трех фундаментальных вопросов, которыми задается любой на этом свете. Кто мы? Куда идем? И – откуда мы взялись?

Заведующая рубрикой была довольна тем, что принудила рыжую милашку показать зубки. Нежась в обитом буйволово́й кожей начальственном кресле, она готовилась к решающему выпаду.

– Не дерзите, моя маленькая. Я и не таких упрямых укрощала. Нас должны сверлить не эти ваши три вопроса, а один-единственный, зато какой! Слушайте и запоминайте: «Как раздобыть сюжет, который приглянется моей заведующей рубрикой».

Присутствующие прыснули. Чувствуя усиление напряжения, они таким способом демонстрировали полную поддержку существующего порядка.

– Вот так! – пробормотал Максим Вожи́рар достаточно громко, что все его услышали.

– Но... – еще трепыхалась Лукреция.

Фрэнк Готье нашарил каблуком башмака носок туфли своей стажерки и наступил так сильно, чтобы заставить ее замолчать. Боль была как от удара током, девушка задохнулась, судорожно разинула рот и не смогла договорить.

– Следующее предложение! – бросила заведующая, закрывая дебаты.

После редакционных летучек у журналистов рубрики «Общество» было заведено встречаться в закусочной «Брассери Альзасьен», расположенной в нижнем этаже здания редакции. Каждый взял по кружке пива, потом еще и еще, пока у всех не стали подкашиваться ноги. Центром внимания стала Лукреция Немрод, которая тоже была не прочь выпить.

– Будь настороже! – советовал ей Фрэнк Готье. – Напрасно ты так ей отвечала. Наша Тенардье – крепкий орешек. Если она на тебя взъестся, мало не покажется.

– Она думает, что если ее не боятся, то не уважают. В прошлом году она систематически унижала молодую сотрудницу на всех совещаниях и принудила ее уволиться, – поддал жару Кевин Абитболь.

– Да, любит она проявить суровость. Беспричинная жестокость – привилегия высокого начальства, – напомнил всем Максим Вожирар.

Несмотря на сатирические статьи, в которых он высмеивал все мыслимые людские низости, этот журналист парадоксальным образом являл собой образец ревностного коллаборационизма с любой властью.

– За это их и уважают, – подытожил Гислен Бержерон, завидовавший Вожирару, слывшему любимчиком заведующей.

– Раз так, мне в этой редакции не удержаться, – понуро молвила Лукреция Немрод.

– Брось, если не будешь упираться, все пойдет как по маслу, – возразил Фрэнк Готье. – Что бы ты ни предложила, она все равно зарезала бы твое предложение, потому что ее хлебом не корми, дай обломать новенького. Особенно охотно она третирует женщин. Не жалуется она вашу сестру, что поделаться! Но я хорошо изучил Тенардье: она легко взрывается и так же легко остывает. Так что побереги свой сюжет о недостающем звене и найди пока что что-нибудь другое. Типа «надо ли удалять подошвенные бородавки». Такую тему она пропустит. Более того, это именно то, что ее вдохновляет.

Лукреция Немрод обвела сочувственным взглядом всех присутствующих.

– Бедненькие, неужели она так вас запугала? Нет, я вас совершенно не понимаю! Неужели вам неинтересно узнать правду о происхождении человечества?

– Нет, – признался Гислен Бержерон.

– Мне тоже, – подхватил Флоран Пеллегрини. – Мой папаша был пьяницей. Вернется из кафе на карачках – и давай отвешивать мне тумачи. Лучше не знать его родословную: его предки наверняка были еще хуже.

Луcreция Немрод хлопнула ладонью по столу.

– Внимание, ребята! Я серьезно! Происхождение человечества – ключевая проблема. Откуда мы взялись? Почему и как появился на земле человек? Почему ты, Фрэнк, ты, Максим, ты, Гислен, все вы сидите здесь одетые и кропаете статейки, а не скачете голышом по веткам и не лакомитесь спелыми фруктами? Так откуда же мы взялись? Нет темы более захватывающей, чем эта. Мне нет дела до бородавок. На наследственную гомосексуальность мне тоже плевать, как и на сотню богатейших французов. Да уж, угораздило меня влезть в берлогу к самым отсталым на свете людям! И удивительно, что они мнят себя журналистами! Я всегда считала, что это ремесло любознательных и склонных к новизне. Что же я наблюдаю здесь? Вы чужды малейшей любознательности, все, что вас волнует, – это кто кого одолеет в вашей редакции.

Фрэнк Готье большими глотками допил пиво и решил покурить молодую стажерку:

– Ну-ну, малышка, где твое уважение к старшим? Кто ты такая, чтобы нас осуждать? Ты – пустое место, ты здесь никто. Если хочешь принадлежать к журналистскому кругу – первым делом смири свою гордыню и научись не высываться.

Она сделала вид, что уходит.

– Что ж, мне все ясно. Я пошла! Предложу мой сюжет другому еженедельнику.

Флоран Пеллегрини удержал ее за локоть.

– Подожди, что за неуместная обидчивость! Если все принимать так близко к сердцу, то долго в нашей профессии не продержаться. Давай разберемся, может, и найдется способ тебе помочь.

Лукреция Немрод поспешила высвободиться, тем более что Флоран Пеллегрини, хватая ее за локоть, не преминул проверить заодно упругость ее груди.

– Ты что-то придумал?

Коллега ограничился именем и фамилией:

– Исидор Каценберг.

Остальные стали рыться в памяти, припоминая, кто это такой.

– Неужели никто не помнит Исидора Каценберга?

– Каценберг? – переспросил, хмурясь, Гислен Бержерон. – Не его ли прозвали «Шерлоком Холмсом от науки»?

– Его самого!

– Он уже минимум десяток лет ничего не пишет, – напомнил Максим Вожирар. – Болтают, что он заделался отшельником и засел в каком-то замке.

– Может быть. Раньше он был мастером щелкать научные загадки, как орехи, в манере полицейского расследования. Не этим ли намерен заняться теперь ты?

– Каценберг? Он вне игры, – презрительно заверил всех Фрэнк Готье.

Флоран Пеллегрини глотнул еще пивка, поежился, почмокал губами и возложил на девичье плечо отеческую длань, которую начинающая журналистка на сей раз не стала сбрасывать.

– А вот я уверен, что если наша малышка добьется его внимания и заразит его своим энтузиазмом по части этого самого недостающего звена, то он сумеет ей помочь. Не каждый же день убийцы гасят звезды палеонтологии! Каценберг непременно захочет в этом разобраться. Если он вмешается, то его участие наверняка перевесит нашу Тенардье.

Изумрудные глаза заискрились. Их обладательница вооружилась блокнотом и карандашом.

– Так в каком таком замке проживает ваш Шерлок Холмс от науки?

7. Запретные заботы

Прямо у него за спиной.

Гиена настигает его.

ОН знает, что она не прекратит погоню.

В этой игре будет выигравший и проигравший.

Гиена бежит все быстрее, с рыси переходит на галоп, с галопа на карьер. ОН поступает так же. Втягивая горящими ноздрями воздух, ОН, задыхаясь, выплевывает его остатки. Разгоряченные мышцы едва не горят.

Гиена бежит все быстрее. Ясно, что она решила его сцапать и использует для этого всю энергию. ОН вытягивает из собственных молекул глюкозу, чтобы добавить сил для бега. Но гормоны страха препятствуют сжиганию углеводов. ОН чувствует, как паника, этот древний враг, добирается по сосудам до мозга, ощущает в жилах горечь чистого адреналина.

Соплеменников не видать, помочь ему некому, гиена все ближе. ОН не справляется с паникой. И тут происходит нечто странное... Когда его уже захлестывает отчаяние, раздаётся щелчок...

Небывалое чувство: в душе словно распаивается дверь. Ему кажется, что ОН покинул свою телесную оболочку и видит себя снаружи. Все это творится как будто с кем-то другим, а ОН наблюдает происходящее издали.

Приступ паники – и уход в отрыв. Кожа стала ему ни к чему, и ОН ее сбросил. Собственное выживание перестает быть главным, единственным интересом. Свое существование начинает казаться всего лишь явлением в ряду многих тысяч. Не менее интересным, чем другие, но и не более.

Страх перед гиеной полностью преодолен. ОН говорит себе, что в конечном счете ничего против нее не имеет. У гиены понятная забота – накормить детенышей. Она, наверное, тоже выбилась из сил, нервы и у нее на пределе. ОН даже видит ее страх – упустить добычу. ОН чувствует панический страх гиены вернуться ни с чем, не принести еды голодному потомству.

Обычно гиены питаются разложившейся падалью. То, что эта особь посягнула на живое подвижное мясо, свидетельствует о ее амбициозности. ОН вспоминает, как следил издали за стаями гиен. ОН видел, как они кормят своих детенышей – отрывая мясо, и сейчас вспоминает чудовищную вонь, сопровождающую пиршество этих тварей. Питаясь разложившимся трупом, поневоле пропитываешься его запахом.

Может, его преследовательница потому так упорна, что жаждет покончить со зловонием, всегда сопровождающим ее соплеменниц, угостив их свежим мясом?

Ему бы гордиться участием в таком достойном замысле! Если разобраться, говорит ОН себе, у них с гиеной общее стремление: продвинуть эволюцию своего вида. Сделать так, чтобы их дети жили лучше, чем родители.

Гиена надеется совершить охотничий подвиг. ОН тоже стремится к подвигу, надеясь заманить хищника в западню.

«Продвинуть эволюцию своего вида»... Это побуждение настолько интереснее заботы о том, чтобы любой ценой прожить хотя бы еще денек! ОН даже задумывается, не лучше ли было бы позволить себя сожрать. Это было бы новое, невиданное поведение. Самоотречение добычи в целях улучшения качества жизни хищника. От этой мысли ОН даже сбавляет скорость бега.

Ну? Скорее! Он тормозит еще заметнее. Но в этот самый момент ОН различает сверху какое-то движение. Птицы на ветке машут крыльями... или руками?

ОН достиг большого дерева! И странные птицы – это его соплеменники, показывающие жестами, что готовы.

ОН бросается к ним.

8. Затворник замка

Луcreция Немрод мчится вперед, наклонившись к рулю своего мотоцикла с коляской «Гуччи». В авиаторах, с кожаным шлемом и развевающимися на ветру рыжими волосами она походит на первых летчиц, отважных завоевательниц небес.

Взревев клапанами, она обгоняет надоевший грузовик, потом резко виляет право, подрезая его, показывает водителю средний палец и уносится вперед.

В коляске мотоцикла чего только нет: веревки, шпагаты, одеяла, матрасные пружины, карнизы, куски картона, дребезжащий на виражах железный лом. Может показаться, что она везет неведомо куда бытовой или строительный мусор.

На бензобаке красуется Ганди, курящий «косяк». На номерном знаке приписка: «В аду не хватило места, я вернулась сюда».

На парижской кольцевой «периферик» она до отказа надавила на газ и врубила на полную мощь колонки, разразившиеся варварскими звуками, чем-то первобытным – творением снова вошедшей в моду рок-группы AC/DC под названием «Гром». Закинув в рот жевательную резинку, она зачавкала в ритме барабанов. На развязке Порт-де-Лиля она свернула в сторону от Парижа.

Дорога привела ее туда, где как будто проживал Исидор Каценберг. Но по записанному в ее блокноте адресу простирался пустырь. Она выключила музыку и зажигание, осмотрелась при помощи бинокля – реликта Первой мировой войны, и сообразила, в чем дело. Жилищем Исидора Каценберга был никакой не замок, а водокачка[1 - Игра слов: замок по-французски – chateau, водокачка – chateau d'eau. – Здесь и далее примечания переводчика.]. Огромное бетонное

сооружение смахивало формой на песочные часы: конус острием вверх внизу, опрокинутый конус вверху.

Глядясь в зеркальце на руле, она накрашила губы темной помадой. Рефлекс, привычка. Она знала, что при первом контакте красота дает десятиминутный выигрыш. Довольная собой, она запрыгнула на сиденье и покатила по полю.

Чем внимательнее она разглядывала водокачку, тем лучше понимала, каким хитрым планом было здесь обосноваться. Водокачки, неотъемлемая часть пейзажа, давно не привлекают внимания. Никому не пришло бы в голову, что в них можно жить.

Она слезла с мотоцикла и зашагала, приминая сорняки и огибая кусты чертополоха и ржавые холодильники. Здесь же гнили брошенные автомобили – прибежище несметных полчищ крыс.

Исидор Каценберг не имел телефона, поэтому девушке пришлось нагрянуть к нему без предупреждения. Водокачка выглядела заброшенной. Внизу вся она была густо заклеена политическими плакатами и рекламой клубов интернет-знакомств. Все это превратилось в толстый разноцветный слой высотой чуть ниже двух человеческих ростов: расклейщик не ленился забираться напарнику на плечи. Нанесенные из баллончиков граффити свидетельствовали об упорстве подростковых банд, стремившихся пометить свою территорию.

Обогнув водокачку, Лукреция Немрод набрела на проеденную ржавчиной дверцу, тоже отягощенную толстым слоем афиш. Рядом не было ни таблички, ни молоточка, ни звонка – ничего, что указывало бы на то, что внутри кто-то проживает.

Она постучала. Ответа не было. Мяться было не в характере Лукреции. Вынув из бюстгальтера складной нож, она раскрыла набор отмычек. Нужно было дойти до конца, разобраться, прячется ли кто-то внутри или коллеги ее разыграли. Замок оказался прочным и грозил долгой возней.

– Есть кто внутри?

Повозившись, она вскрыла замок и смело толкнула дверь. За ней оказалось просторное помещение с коническом потолком, нечто вроде индейского вигвама

из железобетона. Она сделала несколько шагов. Возможно, сказала она себе, профессора Аджемьяна и вправду прикончил серийный убийца, проникший к нему, как она, методом взлома? Неужели молодой инспектор полиции не ошибся?

– Есть кто живой? – крикнула она, осторожно продвигаясь внутрь помещения.

Еще шаг – и она споткнулась и чуть не шлепнулась. Весь пол был усеян книгами, несчетными томами всех размеров и форм. Свисавшие с потолка лампы на длинных шнурах кое-где рассеивали тьму желтым светом, чередовавшимся с потемками.

Луcreция Немрод стала поднимать книги одну за другой. Была художественная литература. Ей попались: Эдгар Алан По, Франсуа Рабле, Джонатан Свифт, Филип К. Дик. Она наступила на Виктора Гюго, поскользнулась на Флобере, чуть не потеряла равновесие на Александре Дюма, выпрямилась на Ежи Косинском.

В центре зала она оперлась о колонну, уходившую в потолок.

– Есть кто живой? – повторила она.

Ответом ей послужил шум воды в унитазе, потом скрип открываемой и закрываемой двери, плеск воды из крана, льющейся на подставленные ладони. По потолку скользнула огромная тень.

– Исидор Каценберг?

Она подошла ближе. В кресле напротив стола, сложенного из толстых томов, появился сферический силуэт. Здесь властвовала темень, поэтому хозяина кресла невозможно было разглядеть. Сейчас он казался ей яйцом в подставке.

Не обращая никакого внимания на вторжение, сферический силуэт завладел пультом и включил «Симфонию Нового Света» Дворжака. Потом открыл ноутбук и защелкал по клавиатуре.

– Исидор Каценберг? – повысила голос молодая журналистка, перекрикивая музыку.

Ответа не последовало, обитатель водоканала только ускорил ритм стука по клавиатуре. Лукреция решила не отступать, к тому же она не сомневалась, что до его слуха доносится каждое ее слово.

– Меня зовут Лукреция. Лукреция Немрод. Я научный журналист «Геттёр Модерн». Мне сказали, что вы можете помочь мне со статьей о палеонтологии.

Человек перестал печатать. По-прежнему не видя его лица, она была уверена, что он ее слушает.

– Я задумала написать большую статью о происхождении человека и об убийстве профессора Пьера Аджемьяна. Этот человек занялся поиском отца наших отцов. Он утверждал, что нашел его... Я уверена, что его убили именно за это.

Она приблизилась к силуэту, тихо дышавшему в своем кресле.

– ...Могла бы получиться сенсационная статья. Сочетание детектива и научного изыскания. Тайну профессора Аджемьяна необходимо раскрыть. Тогда мы получим ответ на вопрос «откуда мы взялись?».

Наконец-то живая сфера издала звук:

– Нет.

– Почему нет?

– Нет, сюжет нехорош.

Голос звучал слабо, но приятно для слуха. Детский голосок. Как этакая масса жира умудрялась издавать такой голос? Пока девушка мучилась вопросом, «Симфония Нового Света» зазвучала громче.

– Это почему? – спросила она.

Человек не отвечал и не двигался, хотя она чувствовала на себе его взгляд. Желая сломать лед, она протянула в сторону стола из книг свою визитную карточку.

– Если вы решите мне помочь, то здесь мои координаты: адрес, телефон, электронная почта. Свяжитесь со мной, когда захотите, по домашнему или по сотовому телефону. Он всегда при мне.

– Сотовый телефон? Гадость, звенящая в кинотеатрах, барах, во всех тихих прежде местах?

– Мой стоит на виброзвонке и никого не тревожит. Зато благодаря ему я больше не чувствую себя собачонкой без поводка. Вы сможете до меня дозвониться, где бы я ни оказалась. Не бросайте меня!

Появившаяся из тени толстая рука схватила визитную карточку.

– Значит, вы согласны? – спросила Лукреция Немрод, загораясь надеждой.

Гора снова застыла в кресле.

– Ни в коем случае.

– Не объясните причину?

– Раз вы здесь, значит, уже предложили свой сюжет Тенардые и получили отказ. Не люблю Тенардые, она бескультурна и вульгарна. Заняла свое кресло благодаря интригам. Но в вашем случае она поступила правильно. Палеонтология – неважный сюжет. Никому нет дела до недостающего звена, что логично: прошлое больше никого не волнует. Люди платят за последние новости и слушают прогнозы погоды на следующую неделю. Будущее – вот что их занимает. Прошлое вышло из моды. Антиквары дружно банкротятся. Специалисты по родословным закрывают лавочку. Подержанные автомобили больше не продаются. Стариков, едва начавших покрываться морщинами, спешно прячут в хосписах. Ну, скажите, кому еще может быть интересно прошлое?

Под его взглядом ей становилось все более неуютно.

– Я скажу кому. Например, тем, кто испытывает проблемы с собственным прошлым. Кажется, я знаю, почему вы принимаете эту тему так близко к сердцу,

мадемуазель.

Луcreция Немрод невольно отшатнулась.

- Вы ничего обо мне не знаете, - напомнила она ему.

Он продолжил по-прежнему тихо:

- Представьте, знаю. Достаточно за вами понаблюдать, послушать вас - и все становится понятно. Вы - сирота!

Она застыла на месте.

- Об этом свидетельствует уже ваш выбор выражений: «не бросайте меня», «собачонка без поводка». И завершающее свидетельство: возможно ли более нагруженное смыслом словосочетание при разговоре о недостающем звене, чем «отец наших отцов»?

Он чуть высунул голову из тени, и она увидела лысую макушку.

- Все дело в том, что вы вообразили, что, вычленив отца наших отцов, отца «всех» отцов, вы обретете по крайней мере одного определенного предка.

Она окаменела. Как можно произносить таким сладким голосом такие жестокие слова?

- Не люблю сироток. Они приставучие.

В этот раз он перегнул палку. Она больше не могла сдерживаться и занесла руку для пощечины, но он схватил ее за запястье и с силой оттолкнул ее узкую руку. От толчка она откинулась назад и опрокинулась на спину. Книжки смягчили падение. Вскочив, она пригладила свою рыжую копну волос и выстрелила в темноту изумрудными глазами.

- Вы просто идиот, безмозглый дурак, жалкий м...к! - Задыхаясь, она продолжила: - Отвечу вам от имени всех оскорбленных сирот: вы сдохнете в вашей берлоге, вас не спасут свалка из книг и бесполезные хлесткие фразы!

И она выбежала на свет, со всей силы хлопнув железной дверью водокачки.

9. Зверю конец

Когда гиена оказывается под низкой веткой большого дерева, на нее прыгает вся стая.

Теперь, когда у нее столько врагов, роли меняются. Охотник превращается в добычу. Но даже очутившись во враждебном кольце, гиена не спешит мириться с поражением. Она скалит клыки, пугая врагов.

Вожак стаи подает сигнал. Все доминантные самцы стаи хватают зверя за лапы и валят его на землю. Самцы низшего уровня подбегают, наносят удары и быстро отпрыгивают. Самки истошно кричат, чтобы оглушить зверя.

ОН держится в стороне, наблюдает за происходящим издали, восстанавливая дыхание. У каждого своя роль, своя очередь. ОН сделал дело и теперь вправе отдыхать, восхищаясь отвагой врага.

Гиена не признает поражение. У нее еще остались силы, чтобы искалечить молодого самца, который, вздумав схватить ее за морду, поплатился прокушенной рукой. Она впивается зубами в ляжки, до которых успевает дотянуться, брыкается и валит с ног доминантных самцов, схвативших ее за лапы. Но преследование добычи почти исчерпало ее силы, на нее навалилось слишком много врагов, и поэтому у нее подгибаются лапы. Под градом ударов она опрокидывается, как будто предпочитает уснуть, а не продолжать неравный бой.

Видя, что она перестала двигаться, молодые самцы со всей силы бьют ее по голове, поощряемые воплями самок, ускоряющими ее гибель.

В какое-то мгновение ОН даже близок к тому, чтобы броситься к гиене на выручку, но быстро одумывается. Есть другие, гораздо более важные мысли. ОН поднимает голову и изучает облака. Даже в разгар всей этой суматохи небо остается бесстрастным. ОН наблюдает за золотисто-багровыми облаками,

незаметно и изящно меняющими форму.

В лицо ему ударяет струя крови, и ОН решает убраться подальше от расправы. ОН залезает на ветку, чтобы спокойно созерцать облака. Они на прежнем месте, почти не движутся, как будто никогда не торопятся, никогда не тревожатся, никогда не бегут от опасности. ОН поднимает руку, чтобы их поймать, но не достигает цели. Тогда ОН подпрыгивает – снова тщетно. Залезает на самую верхнюю ветку дерева и там, опасно балансируя, пробует все же дотянуться до облаков. Но нет, слишком высоко.

Жаль.

Внизу стоя прикончила гиену. Среди нападавших есть раненые, но в целом потери невелики. Пострадавшие зализывают раны. ОН глядит сверху на труп зверя, вселявшего в него такой страх. Странное чувство – видеть врага, превратившегося в грудку мяса, от которого поднимается пар. Странное чувство – видеть передового представителя вида, так несправедливо покаранного за дерзость.

Но таково одно из величайших правил природы: пионеры обязаны пасть жертвами, чтобы очертить для следующих поколений пределы, нарушить которые можно будет только со временем.

Отдышавшись, ОН решает спуститься вниз, к соплеменникам. Схватившись за лиану, ОН скользит в направлении нижних ветвей.

10. Ночной визит

Луcreция Немрод спускалась вниз по веревке, привязанной к чугунной ограде балкона. Этот трюк был у нее давно освоен.

В сиротском приюте ее прозвали «мышкой». Она была обязана прозвищем не маленькому росту, позволявшему пролезть где угодно, а умению так подточить нервы окружающих, чтобы они уступили ее капризу.

Вися между этажами, девушка твердо сказала себе, что ни Кристиана Тенардье, ни Фрэнк Готье, ни даже Исидор Каценберг не помешают ей расследовать происхождение человечества. Она разоблачит убийцу или убийц профессора Аджемьяна и проникнет в его тайну.

Отец наших отцов.

Отец всех отцов.

Она спрыгнула на балкон. Окно квартиры палеонтолога было закрыто. Она достала складной нож, открыла плоское лезвие и просунула его между створками, приподнимая щеколду. Щелчок – и путь открыт.

Готовясь к акробатическому номеру, она натянула черный комбинезон, завязала длинные рыжие волосы в хвост, обулась в мокасины на натуральной каучуковой подошве. Аккуратно влезла в окно, спрыгнула с подоконника на ковер, зажгла фонарь.

Она попала в кабинет убитого, где, как ей показалось, ее встречала целая толпа. Она испуганно повела лучом фонарика и разглядела подвешенные обезьяньи скелеты. Луч фонаря заставлял черепа улыбаться еще шире, как будто они были счастливы видеть ее у себя в гостях.

– Привет, обезьянки!

Дырявые тени громоздились до самого потолка.

– Вы-то знаете, кто уколошил профессора?

Вместо ответа горилла выплюнула заночевавшую у нее в нижней челюсти ночную бабочку, не понявшую, откуда это среди ночи появилось столько яркого света, и в отчаянии запорхавшую по комнате.

Лукреция Немрод посветила фонарем сначала на одну стену, потом на другую. В атмосфере ощущалось что-то неосязаемое, но притом тягучее – нерешенная загадка. Так черная туча жаждет, чтобы ее проткнули, – тогда она разразится грозой.

Тут в небе как раз сверкнула молния, загрохотал гром. Гроза не заставила себя ждать. Комнату стали озарять частые белые молнии.

Лазутчица открыла папку «Пресса» и полистала страницы. Профессор Аджемьян писал о раскопках в Танзании с целью обнаружения недостающего звена и упоминал новую площадку в ущелье Олдувай. «Скоро я сорву покров тайны с величайшего из секретов – истинного происхождения человека», – грозился он в одном из интервью. «Stupete gentes», как говорили римляне. «Люди, приготовьтесь изумиться».

В других газетных и журнальных вырезках другие палеонтологи расписывались в полнейшем отсутствии у них интереса к этой теме и даже в презрении к работам профессора Аджемьяна: «Пока что он не предъявил ни одной достойной внимания ископаемой косточки».

Внимание девушки привлек негромкий звук. Она поспешно погасила фонарь и напряженно прислушалась.

Звук прекратился, потом появился снова. В комнате был кто-то еще. Поколебавшись, Лукреция опять включила фонарь и направила луч туда, где кто-то шуршал ковром. В луче света возникла мордочка, усики, розовые лапки. Мышь жевала сворованный из мусорной корзины клочок бумаги. Застигнутый врасплох зверек сбежал, бросив добычу.

Журналистка села на пол, зажала фонарик зубами и осторожно развернула смятую бумажку. Там было записано послание следующего будоражащего содержания:

«Теперь я знаю, что дни мои сочтены. Мне будут пытаться заткнуть рот, ибо моя тайна слишком обременительна.

Нет сомнения, что мои открытия смутят все научное сообщество, все убеждения которого будут опрокинуты с ног на голову. Тем не менее истина есть истина, с ней ничего нельзя сделать, она неопровержима. Сколько ни старайся ее утопить, она рано или поздно все равно всплывет. Поэтому я умоляю тебя – того, кто меня читает, – помочь мне. Если меня убьют, распространяй мою тайну, дабы она не погибла вместе со мной».

Лукреция продолжила шарить лучом фонаря по комнате. Над креслом обнаружился смешной рисунок: рыбешка спорила с большой рыбиной. «Мне кажется, мама, – говорила она, – что некоторые из нас вылезли из воды и ходят по суше. Кто они?» – «По большей части это недовольные», – был ответ матери.

Чья-то рука решительно перечеркнула эпитет «недовольные» и заменила его «беспокойными».

Называлась карикатура «Секрет эволюции».

Журналистка приготовилась продолжить осмотр помещения, как вдруг снова услышала негромкий звук. Но в этот раз дело было не в мыши: кто-то возился с замком входной двери. Лукреция резко выключила фонарь и спряталась за кухонной дверью. Незвестный справился с замком и проник в квартиру.

Новая молния за окном позволила Лукреции, прильнувшей глазом к замочной скважине, разглядеть мужчину среднего роста, в мокром плаще. Он достал из своего тяжелого с виду мешка обезьянью маску, надел ее и тоже включил карманный фонарь.

Грабитель? Маловероятно. Опрокинув вверх дном большую канистру, он стал расхаживать по комнате и поливать бензином ковер, потом письменный стол – его особенно обильно. Потом отошел к двери и достал коробок спичек. Чиркнув, он загляделся на огонек, не торопясь устроить пожар.

Поклонение огню. Секунды промедления хватило Лукреции, чтобы наброситься на незнакомца. Первым делом она задула его спичку, потом, пользуясь эффектом неожиданности, врезала ему коленом в промежность. Мужчина взвыл. В прорезях маски она увидела глаза, полные удивления и боли. Прежде чем он понял, что происходит, она нанесла ему удар кулаком в живот, потом ребром ладони – по кадыку. Осталось заломить ему руку за спину и повалить на пол.

Молния снова распоролла сиреневое небо, в следующее мгновение все предметы в комнате содрогнулись от раската грома. По обоям потекли тени от дождевых капель на оконном стекле.

– Вы кто? Что вам здесь понадобилось?

Она больнее вывернула ему руку. Он не должен был сомневаться, что еще одно умелое движение – и она вывихнет ему плечо. Стоны, заглушенные маской, свидетельствовали о его понятливости.

– Пришли уничтожить улики? Говорите, живо! Кто вы такой?

Она взялась его переворачивать, чтобы стянуть с него маску, но он воспользовался этой оплошностью, чтобы вырваться и метнуться к лестнице. Она бросилась за ним.

– Стойте! – крикнула она ему вслед, в лестничный колодец.

Но незнакомец уже выскочил на улицу, где тут же смешался с толпой мокрых, горбившихся под дождем людей.

Безликое человеческое существо среди сотен других анонимов.

11. Его стая

ОН разглядывает соплеменников.

Те образовали круг у трупа гиены.

ОН не знает, сколько их здесь.

ОН умеет считать только до пяти – столько у него пальцев на правой руке. Все, что превышает это количество, – уже «много». Значит, у него многочисленная стая.

ОН не знает их имен. У них нет имен. ОН различает их по местам в иерархии стаи или по особым физическим свойствам.

Главнее всех остальных вожак стаи. Шерсть у него на загривке слегка поседела. Похоже, обладание властью способно изменять окраску шерсти. Во всяком

случае, ОН замечает, что у самцов его возраста, лишенных власти, спины темнее.

Вожак стаи не очень велик размером, но у него широкие плечи и грудь колесом. Он обидчив и агрессивен. У него привычка хлопать всех по голове, напоминая, кто главный. Если кто-нибудь из самцов вздумает оспаривать его власть, эти хлопки предостерегают: «Либо ты принимаешь мои удары, либо выходи на бой».

Когда стае грозит опасность, вождь не размышляет, а кидается в драку. Можно считать это легкомыслием. Но большинство стаи видит в этом отвагу.

Раньше вожака выбирали по одному качеству – по невосприимчивости к новым, неведомым происшествиям. Но вот уже несколько поколений, как эта мудрость вышла из моды. Теперь выбор останавливают на том, кто сильнее всех.

В любви вождь стаи тоже проявляет излишнюю жестокость. Предлагая молодой самке из своего гарема спариться, он обычно дергает ее за уши, а потом пихает пальцы ей в ноздри. Во время акта воспроизводства он кусает партнершу за шею или больно дергает за шерсть.

ОН умеет отличать первую самку в гареме вожака стаи. У нее большие черные глаза и дряблые ярко-розовые ягодицы. Утверждая свое первенство в гареме, она считает своей обязанностью кричать громче всех для самовыражения. Во время погони это полезно, потому что пугает противника, но в целом несколько раздражает.

Вторая самка вожака стаи ведет себя скромнее. Первая любит хлопать ее по голове, ставя на место. Вторая мстит за это третьей, держащейся совсем скромно и прижимающей к груди малыша. Пока третья самка выкармливает детеныша, вождь стаи не может к ней приближаться и уже несколько раз от досады покушался на жизнь детеныша.

ОН продолжает смотреть стаи.

В группе доминантно-доминантных самцов он узнает «крупного и тощего», все время провоцирующего вожака стаи с целью определить, не начал ли тот стареть. Справа – «самец с оторванным ухом», он слышит опасность только с одной стороны. Есть еще «обладатель слишком длинного члена»: его

детородный орган при беге на четырех конечностях скребет по земле. Наконец, тот, кто заслужил прозвище «зловонное дыхание» – тщедушный самец, которому достаточно приоткрыть рот, чтобы все враги попадали в обморок.

Позади них располагаются доминантно-доминируемые самцы. Это молодежь или бывшие доминантные доминанты, побежденные другими доминантными доминантами. Они часто дерутся между собой, чтобы определить, кому достанется честь задиравать доминантных доминантов.

Дальше – доминируемо-доминируемые, эти никого не задирают и просто болтаются поблизости, чтобы помочь тем, кто выше их, когда те побуждают их к этому криком или тумаками.

Есть еще бывший вожак стаи. Обычно такую особь прогоняют, потому что у нее иссякли силы. Тем не менее у него такое тонкое обоняние, что он умеет различать съедобные и ядовитые растения. Эти познания необходимы для выживания стаи. Поэтому его оставили в живых.

Еще ОН видит больных и искалеченных на охоте самцов. Таких «терпят» при условии, что они не замедляют передвижение стаи. На самом деле их берегут, чтобы принести в жертву внезапно напавшим хищникам. В повседневной жизни они служат для всех козлами отпущения. У них нет права прикасаться к самкам, за едой им достаются только куски, отвергнутые остальной стаей.

Еще дальше, слева, без умолку трещит группа самок. В ней самки доминантных доминантов и доминантно-доминируемых самцов, а также несколько девственниц, уже чувствующих влияние половых гормонов. Подойдя, ОН убеждается, что одна из самок вот-вот родит. Стая растет на глазах. Едва покинув материнскую утробу, младенец уже способен держаться на четырех конечностях. Самка перегрызает пуповину и, подставляя новорожденному соски, решает, что этого отпрыска она не бросит, она и так уже потеряла по недосмотру слишком много детей.

ОН продолжает наблюдать за стаей, собравшейся вокруг убитой гиены. Справа сбились в кучку дети, дальше жмутся старики.

И, конечно, ОН сам. Когда ОН думает о себе, ОН называет себя просто «я». Однажды ОН видел свое отражение в луже. «Я» ничем не отличается от других.

12. Исидор Каценберг

Луcreция Немрод встретила с коллегами в «Брассери Альзасьен». Она выделила эту группу среди многочисленных сотрудников «Геттёр Модерн», сочтя ее своей «компанией». Торча у стойки, они судачили о внутренней жизни еженедельника.

– ...Заведующий литературной рубрикой издал роман и, чтобы заручиться хотя бы одним благоприятным отзывом, сам сочинил статейку, подписав ее псевдонимом, – сообщил Флоран Пеллегрини.

Общий хохот. Все заказали еще пива.

Потом уселись. Луcreция Немрод под села к Фрэнку Готье, тоже прихватив с собой пол-литровую кружку. Официант в длинном синем фартуке принес дымящиеся тарелки со всевозможными мясными изделиями: птичьей и кроличьей колбасой, франкфуртскими сосисками, панированными свиными ножками, вареными рульками; ко всему этому обжорству прилагалась кислая капуста.

– Ну как, встретила с Исидором Каценбергом? – поинтересовался заведующий научной рубрикой.

Девушка покачала рыжей головкой.

– Все хорошо, благодарю. Только я бы предпочла вести расследование в одиночку. Вчера вечером я снова побывала на месте преступления, где со мной случилась неожиданность. Явился загадочный некто в маске обезьяны и с канистрой бензина, хотел все там испепелить. Странноватое поведение для серийного убийцы, вы не считаете?

– Ты его задержала?

– Хотела, но он вырвался. Очень приткий! Жаль, иначе он бы все мне выложил, можете не сомневаться!

Любители кислой капусты остались равнодушны к ее сообщению, на их физиономиях читалось сомнение. Флоран Пеллегрини, набивший полный рот, малоразборчиво высказал общее мнение:

– Как ни старайся, Тенардые никогда не позволит тебе опубликовать этот сюжет. Без Каценберга он ни в какую не пройдет, какой бы захватывающей ни была вся эта история.

Фрэнк Готье был с ним согласен.

– Сознайся, ты не добились толку от этого толстого грубияна. Теперь в этом можно признаться: тебя разыграли. Надо же было потушить твой энтузиазм по поводу «происхождения человечества». Каценберг отправил тебя куда подальше, это как пить дать! Он такой: ни с кем не желает знаться.

Вилка Лукреции повисла в воздухе, брови сошлись на переносице.

– Кто он, собственно, такой?

– Каценберг? Полный псих, – бросил Готье.

Флоран Пеллегрини любовался своей пивной кружкой, как хрустальным сосудом.

– Скорее он слегка не от мира сего. В свое время я был с ним хорошо знаком. Поверьте, тогда это был один из величайших журналистов Парижа!

Дождавшись, пока официант заменит пустые тарелки полными, Пеллегрини продолжил:

– Я знал его не лысым и не толстым, вовсе не затворником водокачки на краю света. В те времена он служил в полиции, экспертом в медико-юридическом центре. Специализировался на анализе микроулик: волос, подозрительных пятен, всевозможных отпечатков. Мог по одной шерстинке определить пол, возраст, уровень стресса, употреблял ли ее хозяин наркотики. Для него это было

игрой, разгадыванием загадок. А потом ему надоело то, как поступали с его экспертизами на суде. Магистраты и судьи редко учитывали его выводы. Вот он и ушел в научную журналистику. Специальные знания помогли ему превращать статьи в полицейские расследования. Это было необычно – репортер, опирающийся на собственные наблюдения, а не цитирующий косноязычных чиновников. В конце концов публика стала узнавать его неповторимый стиль, и он прогремел в прессе. Отсюда его прозвище «Шерлок Холмс от науки».

– На самом деле он просто добросовестно исполнял свои обязанности, – вмешался Кевин Абитболь, вытирая жирный рот грязной белой салфеткой. – Проблема в том, что большинство журналистов стали скептиками, утратили всякое любопытство. От лени они довольствуются повторением того, что им говорят, и по тысяче раз переписывают одни и те же статьи, почти ничего в них не меняя.

Флоран Пеллегрини не обратил внимания на то, что его перебили.

– Исидор Каценберг – вот кто должен был бы возглавлять научную рубрику вместо Готье. Ты согласен, Фрэнк?

Тот нахмурился.

– Может быть, но я не виноват, что у бедняги однажды съехала крыша.

– Как это произошло? – спросила Лукреция Немрод.

– Ехал он себе в метро, как вдруг в его вагоне взорвалась бомба с пилеными гвоздями. Теракт среди бела дня! Его спасла спинка сиденья, но дело было в час пик, куча жертв! Все в дыму, он ползает по разорванным трупам, стараясь помочь раненым. Тут любой сойдет с ума!

Все молча покивали, впрочем, большинство не утратило аппетита и продолжило доблестно атаковать вилками сосиски и рульки. Перекрывая звуки жевания, Пеллегрини продолжил:

– После взрыва он на неделю заперся дома, не мылся, не ел, практически не спал. Потом на смену фазе протрации пришла фаза воинственности: ему

захотелось взяться за оружие, найти убийц и прикончить всех до одного. А после он выяснил, что теракт был связан с какой-то запутанной дипломатической историей, более того, Франция продавала оружие стороне, устроившей взрыв. Он ничего не смог сделать и ушел в себя. Стал жиреть, писал все меньше и в конце концов купил эту водокачку, чтобы отрезать себя от мира.

- Башня пьяницы, - подсказал Кевин Абитболь.

- ...или могила, - фыркнул Готье.

Официант притащил очередную батарею пива, и все стали торопливо пить, как будто пиво помогало переварить эту странную историю. Лукреция не отставала от коллег.

- А потом вышла книга, - сказал вдруг Флоран Пеллегрини.

- Что за книга? - вскинула голову стажерка.

- Станный роман. С виду банальная приключенческая история, а по сути - активная проповедь ненасилия. Он читал и перечитывал ее, пока до него не дошел ее тайный смысл. Для Исидора она стала откровением. Тогда он и решил, что его личный враг - не терроризм, а насилие как таковое.

- Он снова стал писать, но статьи получались слишком полемическими, - объяснил Готье.

- Один Исидор Каценберг против всего насилия в мире: против террористов, детоубийц, любителей пыток... До того резко писал, что его статьи уже не брали ни в «Геттёр Модерн», ни куда-либо еще.

- Из него вышел уж больно буйный противник насилия, - уточнил Кевин Абитболь. - Всему есть предел, даже когда клеймишь зло. Посольства стали строчить жалобы, Ке д'Орсе потребовала его увольнения. Его выставили, и он окончательно заперся в своей водокачке.

- Тем не менее читатель сохранил к нему доверие. Его не забыли ни они, ни редакция, где у него тоже остались сторонники. В этом тебя не обманули,

Луcreция, – подытожил Флоран Пеллегрини.

Мужчины повздохали и для успокоения взялись за новое блюдо с мясом, поровну перекладывая его на свои тарелки.

13. Пиршество

Все погрузили руки в трепещущую плоть.

Проблема гиены – в ее вонючести. Она издает резкий запах гниения. Некоторые куски пахнут так дурно, что их приходится есть, зажимая нос.

Если бы одна вонь, но вкус!.. Тот, кто никогда не ел мясо гиены, не поймет, что это значит. Сильнее всего горчат подушечки сала с задних лап.

Лично Он не принадлежит к любителям гиеньего мяса. Гораздо предпочтительнее мясо травоядных: оно слаще, нежнее, от него не тошнит. Но соплеменники явно не разделяют его предпочтения. Особенно жадно жрут гиену доминируемые: для них поражение сильного – всегда маленькая, но победа над жизнью. Они не только жуют, но и щиплют шерсть мертвой гиены. Простительная жестокость слабых.

Брюхо гиены распорото, пиршество становится все шумнее. В гиене съедобно все. Хвост обсасывают до мелких косточек. Лижут ушные хрящи. Раскусывают десны, выдавливая из них кислый сок. У вожака стаи такие мощные коренные зубы, что он раскалывает ими клыки гиены, добираясь до соленого нерва внутри.

«Доминантный самец с оторванным ухом» завладевает черепом гиены и раскалывает его, как спелый плод, добывая мозг. Ком розового желе переходит из рук в руки. Каждый проглатывает кусочек и передает остальное соседу. Это важный ритуал: поедание мозга внушающего страх врага. Все инстинктивно решают, что от мозга быстро бегущего существа побегут быстрее они сами; от мозга умного сами поумнеют.

Вожак стаи раздирает грудную клетку и извлекает оттуда желтоватые легкие.

ОН очень голоден, ОН ковыряется в губчатых альвеолах. При прикосновении к этой рыхлой субстанции ОН вспоминает, как сам задышался, пытаюсь убежать от этой гиены. Теперь ОН насыщается ее легкими, чтобы впредь лучше дышать. Чтобы забыть панику, охватившую его при бегстве, ОН ест как одержимый.

Дети утаскивают почки, сдавливают их, как губку, и пьют кровь зверя, смешанную с мочой. «Тот, кого мать не спускает с рук», забавляется с глазом, крутит его, вращает на кончике глазного нерва. Мать ворчит: с едой не играют. Надо поскорее сожрать внутренние органы, пока они не остыли.

Вокруг уже собираются шакалы, грифы и вороны. Самые нетерпеливые из этих падальщиков торопят стаю, требуя, чтобы им уступили место. Шакал набирается наглости и кусает ребенка, за что получает по морде от первой самки вожака. Вместо того чтобы отскочить, он скалит клыки. В мире все так: никто не довольствуется своим местом, приходится постоянно показывать силу, чтобы добиться уважения. Побежденные животные сплошь и рядом забывают о понесенном поражении и пытаются возобладать над недавними победителями. Первая самка хватается за камень и швыряет его в шакала. Только это заставляет его отбежать.

Кто не ждет разрешения, так это мухи. Они уже садятся на мясо, их гудение становится оглушительным.

Один ребенок, копаясь в груди внутренностей, натывается на печень. Первая самка вожака стаи немедленно требует этот лакомый кусок себе.

Существо недостижимого ранга – то, которое может потребовать себе печень убитого животного, и никто не смеет ему перечить.

Печень сожрана, теперь челюсти начинают двигаться менее жадно. Наслаждение едой позади. Толстая кишка издает слишком сильный запах и способна привлечь разве что доминируемых.

Сытая стая рассыпается, продолжая шумно жевать. Жевание – важный вид деятельности. Те, кто плохо жует, часто заболевают. ОН однажды видел смерть ребенка, попытавшегося в один присест проглотить нос жирафа.

Молодо-зелено!

14. Мышь и слон

Лукреция Немрод отправила в рот толстую черную пластинку жвачки с лакрицей и глотнула холодного воздуха. Самое то, чтобы успокоить нервишки. Только после этого она ударила кулаком в тяжелую стальную дверь водокачки – жилища Исидора Каценберга.

Ответа не последовало, но дверь оказалась незапертой. Войдя, она застала Исидора Каценберга в вертикальном положении: стоя посреди конического зала, он читал книгу, водруженную на дубовый аналой. В этот раз он был на свету, и она смогла разглядеть его с ног до головы.

При ее приближении он поднял голову и тоже ее оглядел.

Так они долго – целую минуту – молча друг друга разглядывали.

Исидор Каценберг был еще выше и толще, чем показалось Лукреции Немрод при первом посещении: метр девяносто пять роста и все сто двадцать кило веса. Его тело, гладкий шар, было заключено в оболочку из светло-бежевой поплиновой одежды. Ни ремня, ни часов, ни шнурков. «Отказ от насилия виден даже в его манере одеваться», – подумала она.

Он был почти полностью лыс, уши имел большие, лоб высокий, губы сочные. На тонкий нос были водружены золотые очки. На вид – огромный ребенок!

Его глаза непрерывно двигались, отмечая малейшие детали.

«Одинокий встревоженный слон...» Сначала в голове у Лукреции вертелось это сравнение, потом его вытеснило другое. Каценберг напомнил ей Ганеша, божество со слоновьей головой из индуистской мифологии.

– Сейчас вы сравниваете меня со слоном, – догадался он. – Откуда я знаю? Вы не отрываете глаз от моих оттопыренных ушей. Когда люди смотрят так на мои уши, это значит, что они сравнивают меня со слоном.

– Я думала скорее об индийском боге Ганеше.

Гора повернулась, порылась в книгах и предъявила статуэтку божества.

– Ганеш, бог знаний и веселья. В левой руке у него книга, в правой горшочек с вареньем. Вам известна легенда о Ганеше? – спросил он.

Девушка помотала головой.

– Его отец Шива вернулся как-то раньше обычного, обнаружил ребенка и принял его за возлюбленного своей жены Парвати. Он тут же выхватил меч и обезглавил его. Парвати объяснила ему, что он отрубил голову собственному сыну. Удрученный отец извинился и обещал заменить голову ребенка головой того, кто первый к ним придет. Первым оказался слон.

Лукреция Немрод указала на крохотного грызуна в ногах бронзовой статуэтки.

– А это что?

– Его верховое животное. Ганеш – слон, передвигающийся стоя на мыши.

Он пожирал рыжую девушку глазами, стремительно поглощая фотоны, отскакивавшие от ее кожи и одежды. Кто эта нахалка, упорно его донимающая?

Результаты осмотра: миниатюрная, метр шестьдесят, пятьдесят килограммов. Руки мускулистые. Грудь упругая. Большие живые глаза изумрудного цвета. Длинные рыжие ресницы. Маленькая ножка. Глубокое мерное дыхание. Спортивная. Цепкий взгляд. Во рту жвачка. Симпатично держит головку. Наверное, занималась в детстве классическим танцем, отсюда эта грациозность.

«Какую нелепую парочку мы составили бы, если бы стали сотрудничать!» – мелькнуло в голове у Лукреции Немрод. – Комедийная парочка Лорел и Харди, новый вариант».

Она вздохнула.

– Я пришла попросить прощения. В прошлый раз я вела себя невоспитанно.

– Я тоже, – ответил он. – Мы квиты.

– Я не знала, что вы поборник ненасилия.

– Это что-то меняет?

– Такие, как вы, получив пощечину, подставляют другую щеку.

– Это все старомодно. Новые сторонники ненасилия опускают голову, чтобы избежать пощечины. Так они не дают напавшему совершить насильственный акт и смутиться.

– Я вас оскорбила, обозвала идиотом, дураком, му...ком!

Лунообразное лицо расплылось в плотоядной улыбке.

– Знаете, что идиот – синоним *imbecille*, то есть человека, не имеющего посоха? Имеется в виду тот, кто не нуждается в костыле, чтобы не упасть. Но ведь жить без опоры на догму, на жесткий принцип, без оглядки на авторитет – это смело, вы согласны? Вот я и надеюсь как можно дольше оставаться таким идиотом.

Лукреция Немрод почтительно потупилась.

– В «дураке» я тоже охотно узнаю себя. На латыни *stupidus* – тот, кто оцепенел. Получается, что дурак – тот, кто всему удивляется, кого все восхищает. Надеюсь всегда оставаться таким дураком. Кстати, на греческом «идиот» значит «своеобразный». Идиотизм – своеобразие языка. Я надеюсь быть своеобразным. Что до «му...ка», то ведь это слово – производное от полового органа, а что может быть лучше того, что дарит жизнь? Искренне надеюсь оставаться му...ком, ну, и до кучи идиотом, дураком, кретином.

Она осторожно переступала среди книг.

- В редакции говорят, что вас изменила одна книга. Что это была за книга?

Судя по всему, он отлично ориентировался в этом своем нагромождении. Один шаг - и он оказался рядом с холмиком из книг, извлек из него одну и показал ей. На обложке были изображены какие-то существа, идущие к встающему из-за горизонта солнцу. Книга больше смахивала оформлением на приключенческий роман, чем на учебник.

- Эта книга имеется в любой библиотеке. В ней нет ничего особенного. Можно даже считать ее идиотской, дурацкой, му....цкой.

- Иными словами, она необычная, удивительная, чужда догм, порождает новые смыслы?

Пока она листала книгу, Исидор Каценберг объяснял, что в ней содержатся, кроме прочего, два особенно дорогих ему утверждения.

Он начал с первого, ПНН - Пути Наименьшего Насилия.

- Что такое ПНН?

- Человек страдает, потому что постоянно находится в состоянии насилия над самим собой, над ему подобными и над всей вселенной. Чтобы покончить с этим, важно предвидеть последствия каждого нашего поступка с целью предотвратить череду насилия, которую он рискует повлечь.

Как бы иллюстрируя свои слова, Исидор Каценберг положил книгу на вершину соседней книжной груды, которая тут же рухнула, не вызвав у него никакой реакции.

- Второе явление ключевой важности: «эволюция мира согласно цифрам».

Девушка устроилась так удобно, как смогла, в жестком кресле.

- Слушайте внимательно. Эти рисунки, которые мы считаем цифрами и бездумно применяем тысячи раз в день, содержат в себе целую науку. Их изобрели

индийцы. Кривая линия – знак любви, горизонтальная черточка – привязанности, пересечение – выбор.

«1» – минеральная стадия. – Для большей доходчивости он нарисовал цифру в воздухе. – Единица стоит неподвижно, как монолит. Единица лишена чувств. В ней нет ни кривых, ни горизонтальных черточек, ни пересечений. То есть ни любви, ни привязанности, ни выбора. На минеральной стадии мы пребываем здесь и сейчас, не думая.

«2», – продолжил он, рисуя в воздухе цифру, – вегетативная стадия. Стебель изогнут, как у цветка, черточка похожа на корень. «Двойка» привязана к земле. Цветок не может перемещаться. В верхней части есть кривая – «двойка» любит небо. Цветок стремится к красоте, к красочности, к гармоничным прожилкам, чтобы понравиться высшему измерению.

«3» – животная стадия. У нее две кривые – вверху и внизу, – уточнил он, строя из пальцев цифру «три», – она любит небо и землю.

– А я вижу наложение двух разинутых ртов, – подала голос Лукреция Немрод.

– Нижний рот целует, верхний кусает, – подхватил Исидор Каценберг. – «Тройка» немыслима без дуализма. «Люблю/не люблю». Горизонтальных черточек нет, то есть нет привязанности ни к земле, ни к небу. Животное находится в постоянном движении. Оно живет без привязанностей, во власти страха и желания. «Тройка» подчинена своим инстинктам. И она – вечная невольница своих чувств.

Толстяк скрестил указательные пальцы.

– «4» – человеческая стадия. Это символ креста, означающий перекрестье. Перекрестье – это выбор. Если правильно к этому относиться, это перекрестье позволит нам выйти из животной стадии и перейти на следующую. С животной стадии номер три на пятую. Можно больше не страдать от страха и от зависти, начать реагировать не только на инстинктивные ощущения. Прощай, дилемма «люблю/не люблю», «боюсь/пугаю».

– Что ждет нас выше, на пятом этапе?

– «5» – духовный этап. Человек развитый. Вверху у «пятерки» есть горизонтальная черточка, это привязанность к небу. Кривая направлена вниз, значит, она любит то, что внизу, – землю. «5» – полная противоположность «2». Растительное приклеено к земле, духовный человек – к небу. Растительное любит небо, духовный человек любит землю. Это то, что подразумевал Андре Мальро своей знаменитой фразой: «Третье тысячелетие будет духовным, либо его не будет». Либо человек будет «пятеркой», либо его не будет вообще.

Такова цель: освободиться от эмоций, контролировать наши инстинктивные реакции и стать духовными.

Лукреция Немрод молча поразмыслила, потом спросила:

– А «шестерка»?

Исидор Каценберг напустил на себя загадочность.

– Об этом потом. Поймите хотя бы первые пять цифр – это уже будет огромный прыжок вперед. Если весь мой труд приведет к этому пониманию, то я сочту, что принес пользу.

Она стала рисовать в воздухе цифры:

– Один... два... три... четыре... пять... Занятно! Цифры всегда у нас перед глазами, но мы воспринимаем их только как способ счета.

– Люди мало обращают внимание на вещи, которые их окружают, – с сожалением проговорил Исидор Каценберг. – Они исходят из своих предрассудков и воображают, что все знают. – Он весь затрясся. – Мне хочется надеяться, что этот маленький рассказ о цифрах, указывающих нам путь в будущее, убедил вас, что единственный важный вопрос – это не «откуда мы взялись?», а «куда мы идем?».

Она потянулась, встала, перешагнула через книги, пересекла зал и стала рассматривать магнитные табло на противоположной стене, увешанные газетными вырезками, фотографиями, рисунками и списками покупок.

– Все наоборот, – задумчиво отозвалась она. – Вы еще больше убедили меня в обоснованности моего подхода. Если хочешь понять будущее, для начала пойми прошлое.

Исидор Каценберг взял с одного из столиков блокнот, из-под кучи книг извлек сумку на колесиках.

– Вы куда? – спросила девушка.

– Наконец-то хороший вопрос! Можете, когда хотите! Куда я иду? Всего лишь за покупками. Сейчас самое время, мне нужны свежие овощи и фрукты.

– Можно мне с вами?

Разговор продолжился снаружи, под неумолчный скрип колесиков сумки. Пустырь, заросший высокой травой и крапивой, сменился пригородными улицами. Наконец они вышли на площадь, где напротив церкви неопределенного возраста стояли за прилавками краснощекие огородники.

Исидор Каценберг был не из тех, кто делает покупки на скорую руку. Он долго обнюхивал дыни, взвешивал на ладони плоды манго, обсуждал с продавцами последний завоз, щупал помидоры и авокадо, приглядывался к луковицам. Тщательно отбирая то, что потом употребит, он продолжал разглагольствовать:

– Гипноз собственного прошлого – вот то, что замедляет развитие человека (возьму-ка я вот эти два пучка редиски, той, что покраснее). Если бы он ограничился одним будущим, это придало бы ему легкости. Поверьте, настоящая катастрофа – это ослепление прошлым (у вас все груши такие спелые?). Взять хотя бы страны, мечтающие обрести свою идентичность через возврат к устаревшим практикам. В Монголии требуют возвращения наследия Чингисхана. В Афганистане хотят возродить законы восьмисотого года. В России не прочь усадить на трон нового царя (сколько я вам должен?).

Исидор Каценберг вытянул из кошелька мятую купюру, ссыпал вместо нее полученную на сдачу мелочь, погрузил полные пакеты в сумку на колесиках – все это не прекращая болтовни:

– От прошлого должна остаться «табула раса». Знаете, как в психоанализе? Люди упорно погружаются в свое прошлое, не устают его терзать и потрошить. Чем оглядываться назад, лучше бы смотрели вперед!

Говоря это, он поднажал и обогнал Лукрецию. Той пришлось перейти на бег, чтоб с ним поравняться.

На углу квартала появился автомобиль, дверца распахнулась, две руки втащили девушку внутрь. Пока Лукреция непонимающе таращила глаза, ей заткнули рот кляпом и завязали платком глаза.

Исидор Каценберг, ничего не замечая, продолжал:

– Никогда, никогда не озирайтесь назад! Так недолго забыть смотреть себе под ноги. Если, например, я забуду глядеть перед собой, то наверняка врежусь в первый попавший уличный фо...

Дверца машины громко захлопнулась, покрышки взвизгнули, машина рванулась с места. В окне промелькнувшего мимо него автомобиля Исидор Каценберг успел разглядеть Лукрецию Немрод, бившуюся в лапах двух громил в обезьяньих масках.

15. Собираательство

Бывший вожак стаи тащит охапку ворсистых листьев. Их едят, чтобы лучше переварить мясо гиены.

Он собирает не все подряд. У этих листьев ворсинки в форме крючка, они цепляют червячков, которые селятся в кишках и вызывают понос, прочищающий внутренности.

Они жуют и глотают листья. Им везет, они наполовину растительоядные, наполовину плотоядные. Красное мясо их возбуждает, свежая листва успокаивает. Потом они едят почти созревшие фрукты. Так они избегают скопления зловонных кишечных газов, грозящего любому, кто полакомился

мясом гиены.

К подножию дерева подкрадывается стая гиен, которым хочется узнать, что произошло. Они находят останки своей соплеменницы, обсаженные мухами и вороньем, и смотрят вверх, на тех, кто нанес им это оскорбление.

Вожак стаи бьет себя кулаками в грудь и цокает языком, подтверждая, что это они убили гиену, и грозя повторением.

Это исторический момент.

Между ними и гиенами закрепляется чувство взаимного хищничества. Самки стаи раздражаются истерическими воплями, изводя падальщиков. Поднятый ими шум наполняет лес, поэтому никто не слышит приближающегося мерного шороха, хлопанья широких крыльев.

Смотрящий вниз забывает смотреть вверх.

Неожиданно для всех орел пикирует и, пользуясь невниманием стаи, хватается малыша, увлеченно выбиравшего из плода червячков: их он собирался съесть, а мякоть выбросить.

Никто не успел шелохнуться, чтобы защитить малыша, и теперь всем приходится наблюдать с разинутыми ртами, как птица уносит визжащую жертву.

И ведь это не простой малыш, а тот, которого не хотела отпускать мать. Она и сейчас цепляется за него так крепко, что крылатый хищник уволокивает и ее.

Орел медленно набирает высоту, и ОН выбивается из сил, подпрыгивая на верхних ветках в попытках до него дотянуться.

Время замедляет ход.

Орел, отягощенный двумя жертвами, с трудом продолжает подъем. Мать еще не миновала ветви. ОН прыгает в пустоте, тянет вверх руки, забыв о себе. В последний момент ОН хватается мамашу за пальцы ног. Оба застывают в воздухе.

Мамаша с криком разжимает пальцы рук.

Орел мгновенно взмывает ввысь, крепко держа в когтях малыша.

ОН падает на землю. На него кидаются гиены, но он успевает увернуться от их клыков и скрыться в нижних ветвях дерева.

Орел продолжает подниматься в небо. Самки стаи швыряют в него зеленые плоды, но хищник уже слишком высоко.

Похищенный младенец зовет на помощь.

ОН провожает его взглядом, говоря себе, что, возможно, малышу повезло. Он ведь улетает в небо. Кто еще во всей стае может похвастаться, что хотя бы раз в жизни испытал это чувство? Никогда, даже высоко подпрыгнув, ОН не сможет оказаться так же высоко. А жаль.

16. Плохие четверть часа

Лукрецию Немрод окружила тьма, полная скрежета. Две руки давили ей на плечи, прижимая к сиденью стула, еще две связали ей руки. Она ничего не видела, слышала только подозрительные звуки. Еще две руки схватили ее за лодыжки, заставили растопырить ноги и привязали их к ножкам стула.

Как она ни билась, как ни сопротивлялась, все было напрасно. К тому же она догадывалась, что ее недругам забавно наблюдать, как она извивается. Через несколько минут она полностью прекратила шевелиться и прикинулась мертвой. Неподвижная добыча сильнее нервирует хищников, чем ерзающая. Ее маневр удался. Две руки вынули у нее изо рта кляп, сняли с глаз повязку. Она сглотнула, чтобы в горле не было так сухо, и заморгала, привыкая к свету.

Серые стены с облупившейся краской, мутные грязные окна, пыльный цементный пол. Не иначе, ее привезли в какой-то заброшенный цех. В нос ударил запах плесени и ржавчины. На нее смотрели трое силачей в обезьяньих масках.

То, что они не сняли маски, ободрило ее. Это значило, что ее рано или поздно отпустят, и они не хотят, чтобы она смогла потом их опознать.

Один из троих подошел к ней и взял за подбородок.

- Что тебе понадобилось в квартире профессора Аджемьяна?

Она ухмыльнулась.

- Так это ты - некто в маске, которого я там неплохо проучила?

- Он самый... - пробормотал он. - Напрасно ты мне об этом напомнила...

И он отвесил ей пощечину, от которой у нее еще больше растрепались волосы. На нежной щеке отпечаталась красная пятерня, во рту появился вкус крови. Лукреция Немрод почувствовала прилив адреналина, у нее возникло острое желание вступить в бой со всеми тремя, и она так сильно натянула свои путы, что они больно врезались ей в тело.

- Молодец, ударил связанную женщину! В тот вечер ты не был таким храбрецом!

Вторая пощечина не заставила себя ждать. После этого «обезьяна» повела ровным голосом допрос:

- Что ты делала в квартире Аджемьяна? Что искала в его кабинете? Что-нибудь нашла?

Перед ее глазами еще плыла розовая пелена, было трудно дышать. Нужно было унять злость, тогда он перестанет ее бить. Превозмогая боль, она изобразила улыбку и постаралась восстановить нормальное дыхание.

- С обезьянами не разговариваю.

За это он влепил третью пощечину. Другой мужчина, подойдя к ней, погладил ее заалевшую щеку.

– Что вы знаете о происхождении человека?

Неожиданный вопрос, да еще заданный сладким голосом!

Она вскинула голову, уставилась на вторую обезьяну и выпалила, как ученица на уроке:

– Человек произошел от слезшей с дерева обезьяны.

– Предоставьте ее мне, босс, – вмешался третий, до сих пор молчавший и не двигавшийся. – Я сумею ее разговорить.

Она бесстрашно обвела взглядом всех троих.

– Ой, как страшно! Ребята, вы, никак, вздумали произвести на меня впечатление? У вас маски – и те жалкие, с магазинными этикетками и резинками! Шестьдесят пять франков штука. Сразу видно любителей. Когда берутся пытать девушку моего пошиба, стараются хотя бы не ударить в грязь лицом. Удаляют этикетки и надевают капюшоны палачей. А у вас маски за шестьдесят пять франков, вот стыдоба!

– Можно мне, босс? – спросил самый крупный из троих.

Лукреция Немрод метнула в него изумрудный взгляд.

– Учтите, что бы вы со мной ни сделали, все это будут семечки по сравнению с издевательствами в сиротском приюте!

Мужчина в обезьяньей маске, принимавший обращение «босс», не спешил с отмашкой.

– Ладно, валяй, только не переусердствуй, – разрешил он наконец. – Не люблю смотреть на человеческие страдания, особенно женские...

Двое других развязали ее, и она немедленно воспользовалась свободой, чтобы врезать обоими кулаками в живот тому, кто стоял рядом, и ударить каблуком в колено второму обидчику.

Они быстро ее скрутили, снова связали и подтащили к блоку со свисающей цепью, чтобы подвесить за ноги, вниз головой. Ее длинные рыжие волосы мели теперь пол, но она не унималась – возилась с веревками на связанных за спиной руках.

– Ну, берись за ум! – приказал «босс». – Говори, что делала в квартире профессора Аджемьяна.

– Ладно, я все вам расскажу, – выдохнула она. – Я стучала во все двери и задавала вопрос: «Что чаще всего лежит в холодильнике у французов?» Когда мне отказывались открыть, я влезала в окно.

– Очень остроумно, мадемуазель. Ничего не поделаешь, придется сделать так, чтобы кровь прилила вам к голове и освежила память.

Она забилась на цепи. В голове уже мутилось, все тело налилось тяжестью.

– Вылитая колбаска в процессе копчения! – сострил один из троих.

В следующее мгновение цех заволокло густым серым дымом. Потом прогремел взрыв.

17. Гроза

Небо раскалывает молния, и стая в испуге застывает. ОН привстает на задних лапах, чтобы лучше разглядеть величественное зрелище.

Тучи темнеют, потом наливаются черным, с сиреневыми и серебряными прожилками.

Небеса раздвигаются.

Чернота разражается вспышкой, белым столбом, ударяющим прямо в землю.

«Небо сильнее всего остального», – думает ОН.

Остальные втягивают головы в плечи. Им страшно, ему – нет.

«Небо – мой господин», – говорит ОН себе.

Его друзья-облака демонстрируют свою мощь всем тем, кто населяет земную твердь. Столбы света обрушиваются вниз один за другим, их все больше, сопровождающий их падение грохот все сильнее. От этого дрожит земля.

«Небо такое красивое, такое сильное», – думает ОН.

Зигзаг пламенеющей молнии цепляет дерево, в ветвях которого засело его племя. Башня из ветвей способна сдержать потоки воды, но против огня она бессильна. В прошлом лагерь уже имел неприятности из-за грозы, но никогда еще молния не ударяла так близко. У детей слезятся глаза. Молния снова ударяет совсем рядом, но в дерево не попадает; правда, там, где она застала их зазевавшегося родича, осталась лишь кучка пепла.

Дождь превращается в ливень, но занявшийся пожар ему не потушить. Взметнувшийся желтый факел всем внушает страх. Вожак стаи по привычке испускает устрашающие крики, чтобы отпугнуть этого врага. Но огню не страшно, он пренебрегает угрозой. На подмогу вожаку приходят другие доминантные самцы. Но огонь наступает на них, кусая многим руки. Все вопят. Для них огонь – самое страшное, что может быть! Им невдомек, где у него глаза, где рот, им не удастся его ударить. Непонятно им и другое: как огонь сумел подобраться так незаметно? Никто его не видел и не слышал, и вот он прямо перед ними – огромный грозный зверь!

К крику присоединяются самки. Потом лагерь охватывают три огромных языка пламени. Они все уничтожают, превращают в черную пыль все, что поглощают. Стая шарахается назад, отступает. Как ни тошно вожаку бросать такой хорошо обустроенный лагерь, верхушка дерева грозно трещит и грозит рухнуть. Неосторожные племянники превращаются в пылающие факелы, визжащие, чтобы их потушили. Испуганные птицы бросают свои гнезда, тщетно пытаются забрать с собой снесенные яйца. Огонь набирает силу, его раскаленные когти достают тех, кто пытается от него сбежать.

Воздух наполняется едким дымом, и все раздражаются кашлем.

18. Прекрасный принц

Заброшенный цех заволкло дымом.

Троица в обезьяньих масках застыла рядом с блоком, на котором висела вниз головой Лукреция Немрод, видевшая все вверх ногами.

- Дымовые шашки! Полиция! - крикнула одна «обезьяна».

Лукреция пыталась дотянуться руками до связанных ног. Выстрелы раздавались теперь по всему цеху.

- Бежим, они открыли огонь!

Похитители бросились к груде ящиков. Дышать в дыму становилось все труднее. Достав кое-как оружие, они принялись палить наугад сквозь заволакивающие их густые клубы.

Толстые руки спустили надсадно кашлявшую Лукрецию Немрод на пол, развязали веревки, прижали к ее лицу маску - защиту от газа. Приподняв тяжелую голову, девушка ничего не смогла разглядеть в дыму, вдохнула очищенный фильтром воздух и недоверчиво посмотрела на своего спасителя.

- Исидор... - пробормотала она.

- Тихо! - раздалось из-под его маски. Он затягивал на ее рыжей голове ремешки. Потом он тихо, но отчетливо произнес три слова:

- Видеть, понимать, молчать...

Еще один вдох - и она, виляя между особенно густыми клубами дыма, бросилась к своим обидчикам, чтобы дать волю своей изобретательной мести.

Первый получил ладонями по ушам. Это было сродни удару тарелок, невыносимому для барабанных перепонки. Наказанный выронил оружие и схватился за голову.

Исидор Каценберг, смирно сидя на полу, наслаждался зрелищем.

Второй обидчик Лукреции получил от нее ногой по зубам и тут же утратил интерес к своему револьверу, схватившись за пострадавшую челюсть. Подскочив к третьему, она воткнула указательный и средний пальцы в отверстия его маски, прямо в слезящиеся голубые глаза, что повлекло временную слепоту.

Теперь трое негодяев в масках походили на китайскую обезьянью триаду.

Один держался за уши.

Второй за рот.

Третий закрывал ладонью глаза.

Им оставалось одно – позорно ретироваться.

Лукреция Немрод бросилась за ними вдогонку, но они сразу прыгнули в свой автомобиль и унеслись. Она сорвала с лица противогаз.

– Размазни, а не мужики! Как только в бою устанавливается равенство сил, они убегают! – Ее крик был обращен к Исидору, который, догнав ее, тоже избавился от противогаза.

Молодая журналистка повернулась к своему избавителю.

– Кстати, почему вы не помогли мне с ними разделаться?

– Как я погляжу, вы превосходно справились сами. Как называется это ваше боевое искусство?

– «Интернат-квондо». Похоже на тхэквондо, но куда суровее. В нем разрешены любые удары, вообще все.

– Вы опознали в этой троице того, кого встретили на месте преступления?

– Кажется, да. Хотя из-за маски я не смогла разглядеть его физиономию. Вот если бы поймать хотя бы одного и потолковать с ним по душам...

Исидор Каценберг достал из кармана лакричный леденец, отправил себе в рот и стал сосать.

– Лукреция Немрод, – молвил он наставительно, – не становитесь невольницей насилия.

– Я делаю что хочу, – проворчала она. – Если мне хочется прибегнуть к насилию, то это касается только меня.

Он положил руку ей на плечо.

– Прекрасно. Тогда расставим точки над «і». Мне нравится игра в волшебного принца, спешащего на выручку к красавице, но и вам бы неплохо хотя бы по минимуму соответствовать роли волшебной принцессы. Например, волшебные принцессы не подвергают своих обидчиков пыткам.

– Можно подумать, они передо мной расшаркивались!..

– Лао Цзы говорил: «Если тебя обидели, не ищи мести. Сядь на берегу реки, и скоро мимо тебя проплывет труп врага».

Лукреция Немрод покрутила в голове поговорку и ответила:

– В некоторых случаях неплохо помочь ему свалиться в реку. Хотя бы время сэкономишь. Но расскажите мне, волшебный принц, как вы обнаружили попавшую в переplet красавицу?

– Легче легкого, – сказал он. – Я видел, как вы дрались с ними в машине. Преследовать вас я не мог, пришлось вернуться домой и посмотреть номер

вашего сотового. Вы говорили, что он всегда стоит на виброзвонке, поэтому я знал, что звонок не будет слышно. Зато, приняв мой звонок, ваш телефон сообщил мне ваше местонахождение. У меня остались друзья в полиции. Они нашли сотовый передатчик, активированный вашим телефоном, и определили периметр, где вас искать. На счастье, там оказалось одно-единственное сооружение – заброшенный цех. Друзья дали мне шесть дымовых шашек, четыре холостых гранаты и два противогаса. На все это мне потребовалось время. Машины у меня нет, пришлось тащиться на метро. А метро в это время суток – сами знаете, что это такое! Они не сделали вам больно?

Она потерла запястья и щиколотки с красными полосами от веревок.

– Как вам сказать... Если бы вы задержались еще минут на десять, то нашли бы меня в гораздо более плачевном состоянии.

Она заглянула в доброе лунообразное лицо своего спасителя.

– Но все равно – огромное спасибо! Я начинаю понимать, почему вас прозвали Шерлоком Холмсом от науки.

Человек-шар заколыхался в знак несогласия.

– Умоляю, не сравнивайте меня с ним, это – давнее прошлое. У каждой эпохи свои детективы. Я – не человек из прошлого, я принадлежу настоящему, а может, и будущему.

– Вам по-прежнему не дает покоя будущее... – сказала она со вздохом.

Он хрустнул лакричным леденцом и ответил:

– По дороге я размышлял. Кое в чем вы, возможно, правы. Может быть, иногда стоит разобраться с прошлым, чтобы оно не повторилось в будущем.

Слон и мышка зашагали по разбитому двору к воротам завода. Семеня за ним, чтобы не отстать, Лукреция приводила в порядок свои длинные волосы.

– Вы намекаете, что согласны помочь мне в расследовании?

– Идемте! Я покажу вам местечко, которое я всегда держал в тайне.

19. Пещера

Верхушка дерева пламенеет, охваченная огнем. Листья трещат в желтом пламени. Птицы бросают свои гнезда на верхних ветвях и улетают прочь, суматошно махая крыльями.

У стаи нет выбора, остается спуститься на землю. Она знает, что должна подыскать себе новую стоянку.

Ливень усиливается. Мокрые, сгорбленные, они продвигаются по открытой местности. На их счастье, ливень разогнал хищников: их густая шерсть сильно намокает, и они тоже превращаются в легкую добычу.

Вожак, возглавляющий стаю, подгоняет ее, раздавая сильные шлепки по головам тех, кто не торопится. Лучший способ прогнать страх – напугать чем-то другим. Он рычит, показывает зубы, не гнушается кусать доминируемых и обычных козлов отпущения. По его мнению, это необходимо для сплочения в группе.

Все смиренно плетутся. На их пути вырастает еще одно большое дерево, на ветвях которого можно было бы разместиться, но это не их день. Они уже запрыгивают на ветки, но молния ударяет снова, и расколотое дерево валится на землю.

ОН гадает, не привлекают ли особенно высокие деревья молнию. Или, может, это знак. ОН верит в знаки. ОН думает, что все в жизни указывает ему, что делать и чего не делать. Если в их стоянку попадет молния, значит, оттуда придется убраться. Если молния бьет в это дерево, значит, им на нем не место.

Одна из самок привлекает внимание стаи, указывая пальцами на дыру в скале.

Это пещера.

Члены стаи придерживаются правила не приближаться к пещерам. В них всегда живут крупные опасные хищники. Но дождь такой холодный, и они так боятся снова обжечься огнем, что окружают самку и спешат к пещере. Там их ждет неожиданность: вход в пещеру не сторожат хищники. Но пещера очень глубокая, это опасно. Они замирают на ее пороге и озираются. Ливень припускает еще сильнее, деревья вспыхивают одно за другим.

ОН думает, что облака гневаются на существ, обитающих на поверхности земли.

«Наверное, не надо было убивать гиену, несшую своим соплеменникам надежду», – говорит ОН себе.

Стая сбивается в плотную кучу, взволнованные и перепуганные соплеменники согреваются теплом друг друга.

Дождь все льет и льет. Тепло сбившихся в кучу тел позволяет преодолевать озноб.

Вдали вспыхивает еще одно дерево, в которое попала молния.

20. Древо будущего

То было «древо будущего».

Исидор Каценберг привел Лукрецию Немрод в комнатку на нижнем этаже водокачки. Там помещалось только два табурета и большой белый стол на козлах с горкой фломастеров с краю.

Лукреция Немрод изучает большой рисунок на столе. У него есть название – «Древо будущего». У дерева много ветвей, усыпанных мелкими листочками.

– В наше время мысль политиков не заходит далеко, максимум на пять-семь лет – это период, когда можно избраться и переизбраться, – стал объяснять Исидор Каценберг. – Но разве не интересно представить, что будет через сто, тысячу, десять тысяч лет? Какой мы оставим Землю нашим детям?

– Сейчас преобладает политика наименьшего зла, старания не дать произойти ближайшим катастрофам.

– Это нормально, политики зависят от замеров общественных настроений, которые знакомят их с коллективной эмоцией. Перспективой здесь не пахнет.

Лукреция опустила на неудобный табурет и вздохнула.

– Я не прочь пофантазировать, но большинство обещаний прекрасного будущего кончались таким фиаско!.. Неудивительно, что теперь люди с осторожностью относятся к заманчивым проектам.

– У человечества есть право на ошибку! – возразил Исидор и тоже плюхнулся на табурет, который был для его туши явно мал. – Сколько ни критикуй коммунизм, либерализм или социализм, они по крайней мере указывали направление. Пускай эти идеологии обанкротились, это не значит, что нельзя предлагать другие. Предложений должно быть много, чтобы людям было из чего выбирать. Из того, что в прошлом совершались ошибки, еще не следует, что надо отказаться от предложений на будущее. Но в наше время остался всего один выбор: между неподвижностью и откатом назад.

– То есть между консерваторами и реакционерами? – спросила она.

– Если хотите. Так или иначе, нам предлагают либо вообще не двигаться, либо повернуть назад. Все в ужасе от одной мысли о том, чтобы сделать шаг вперед. Одни писатели-фантасты ныне осмеливаются заглядывать в будущее человечества. Какая тоска!

Лукреция Немрод привстала, чтобы получше разглядеть древо.

– Ну, а вы придумали это древо...

– Да, древо со всеми вероятными вариантами будущего.

– Это как-то связано с концепцией «пути наименьшего насилия», о которой говорится в вашей странной книге?

– Изображая в этой таблице все варианты будущего, я пытаюсь нащупать путь, способный когда-нибудь привести нас в будущее, которое будет лучше нашего настоящего.

Он подошел к девушке и стал тыкать пальцем в листочки на ветвях дерева. На каждом был написан вариант будущего. Некоторые умеренные, вроде «если приватизировать систему мест заключения», «если отменить социальное обеспечение», «если повысить социальные минимумы». Другие порадикальнее: «если объявить войну враждебным экономическим блокам», «если вернуться к диктаторскому правлению», «если упразднить правительства». Были и совсем утопические на первый взгляд варианты: «если заселить другие планеты», «если ввести во всем мире контроль рождаемости», «если остановить экономический рост».

Теперь Лукреция Немрод смотрела на живой шар рядом с ней другими глазами. Ее удивило, что простой смертный смеет замахиваться на грядущее всего своего вида. Как ей ни хотелось поднять его на смех, она сдержалась. Что может быть проще, чем одним махом перечеркнуть столько часов умственных усилий! Прделанный труд заслуживал уважения. Вторым ее побуждением было узнать обо всем этом больше.

– Вы держите ваше древо будущего здесь, таите его от людей...

Он утвердительно кивнул.

– Это верно, а все почему? Потому что оно еще недоработано. Когда древо будет готово, я предъявлю его миру.

– Кому?!

– Говорю же, миру! Быть может, благодаря моему древу политикам в один прекрасный день хватит смелости объявить: «Смотрите! Вот путь, которым предлагается двинуться, пройти вот здесь, потом здесь и здесь, чтобы лет через двести, даже если кое-какие перевалы окажутся очень трудны, прийти вот сюда, чтобы наши дети или дети детей наших детей зажили на нашей планете счастливо».

Он отправил в рот карамельную сигарку и принялся жевать.

- На кону стоит судьба всего человечества и вообще всех обитающих на планете существ. Пора начать рассуждать не как избиратели, не как потребители, а как живые создания, интегрированные в гораздо более обширное множество. Да, я надеюсь, что рано или поздно у нас наступит гармония со всем окружающим миром. Это называется «гомеостаз», равновесие между внутренней и внешней средой, между человеческим родом и всеми остальными формами жизни.

- Не больше и не меньше!

- Представьте себе! - не унимался он. - Тогда мы сможем сопереживать всем формам земной жизни. Все они будут нашими партнерами, и все вместе мы построим лучший мир. Если разобраться, что может быть лучше?

- Согласна. Но в недалекой перспективе, прямо сейчас, чему может послужить весь этот ваш труд?

- Выявлению главных тенденций при учете всех факторов во всех мыслимых сферах: экономической, политической, социальной, технологической, культурной... Выяснению того, как все это сочетается, - скромно отвечивал он. - При помощи этой таблицы я предвижу кризисные циклы. Определяю фазы роста и спада на сырьевых рынках. При помощи моего Древа я играю на бирже. Поверьте, это работает! Биржевые сделки - главный источник моего дохода. Так я зарабатываю на жизнь - разве это не очевидное, не наглядное доказательство полезности моего Древа? Сами понимаете, на жалкую зарплату научного журналиста я бы не смог ни приобрести, ни тем более обустроить эту водокачку.

Молодая стажерка не сводила глаз с Древа.

- Само собой, - продолжил он с широкой улыбкой на детском лице, - я не мню себя Нострадамусом. Не претендую на предсказания будущего, просто пытаюсь предвидеть главные логические траектории в развитии нашего общества. Пока что могу без хвастовства сказать, что получается даже лучше, чем я ожидал.

Лукреция Немрод разглядывала самые тонкие веточки на Древе будущего.

- Что вы предвидите, например, в геополитике?

– Дальнейшее перемещение власти с востока на запад. Сначала центром мира была Индия. По-моему, все вышло оттуда, из Индии, более пяти тысяч лет тому назад. Происходит движение на запад, вместе с солнцем. Индию сменили в мировой власти месопотамцы и египтяне. И дальше на запад: греки, потом римляне. После них Австро-Венгрия, дальше западные берега Европы – Франция, Испания, Голландия. Потом Англия. Все западнее и западнее, через Атлантический океан. Власть прописалась в Нью-Йорке, потом пересекла Американский континент и достигла Лос-Анджелеса, но продолжила стремиться на запад, пересекла Тихий океан, оказалась в Токио, скоро будет в Китае. После Китая она вернется в Индию. Так выглядит географическая история власти и ее вероятная траектория через континенты, от народа к народу.

– Возьмем другую тему. Безработица во Франции.

Исидор Каценберг перевел дух.

– Что касается современных западных обществ, то логика учит, что в будущем у них должны прекратиться проблемы с безработицей. Десять процентов людей будут усердно трудиться в творческих сферах, а остальные девяносто вообще не будут работать, разве что спорадически, на подхвате, вдали от творчества. Эти десять процентов, созидатели, будут создателями и манипуляторами концепций. Они будут отдаваться своей работе, посвящать ей все свое время, зарабатывать много денег, на трату которых у них нечасто останется время.

– А остальные?

– Остальные? Что ж, девяносто процентов нетворческих людей будут часто менять занятия, мало зарабатывать, проявлять мало интереса к тому, что делают, зато всю пользоваться индустрией развлечений. И отождествлять себя эти девяносто процентов будут не со своим ремеслом, а с времяпрепровождением в свободное время. Я много размышляю о развитии добровольных объединений. Возьмем пример: девушка временно работает секретаршей, иногда подрабатывает няней, снимается в эпизодах в кино, но определяет себя как член районной Ассоциации борьбы за сохранение окружающей среды...

– Что-то я не уловила, почему вы называете креативный класс будущего «манипуляторами концепций».

– Потому что в будущем не будет больше ни инноваций, ни открытий, ни изобретений. Когда весь мир одновременно владеет всеми технологиями, у людей повсеместно одинаковые автомобили, стиральные машины, компьютеры. Что определяет предпочтение при приобретении? Мелкие «навороты» в подаче, цвете, обозначении продукции, в продвижении марки, в лозунге, маркетинговой стратегии.

– Как-то несправедливо в отношении нетворческого большинства...

– Здесь всплывает другая важная для меня тема: образование. Когда-нибудь школа каждому позволит развивать его индивидуальные творческие данные. Вот тогда произойдет взлет рынка искусства и коммуникаций, который подготовит наступление следующей эры.

– Не у всех есть врожденные способности! – возразила девушка.

– Неправда, у всех! – заверил ее Исидор Каценберг. – Другое дело, что не все умеют их в себе обнаруживать и использовать. Этому и должна помогать школа, ее задача – предлагать гораздо более широкий выбор дисциплин с целью развития талантов каждого. Тогда «работа» уступит место не ведающему усталости использованию своего внутреннего потенциала, преподнесению в дар другим своей личности, своего неповторимого таланта! Человек будет уже не «работать», а «занимать себя» тем, для чего создан.

Лукреция Немрод все еще пыталась отыскать изъян в теоретизировании толстяка.

– Как насчет сферы мысли?

– Когда-нибудь человек станет духовным. Между прочим, это давно предрекает Библия. Возьмите Десять Заповедей. Еврейская религия не судит. Когда она говорит: «не убий», речь идет о будущем. Она не говорит: «не смей убивать, иначе будешь наказан». Она говорит: «Когда-нибудь ты не будешь убивать», то есть «в один прекрасный день ты поймешь, что убийство ведет в никуда». И так далее: когда-нибудь ты поймешь, что никуда не ведет кража, ложь и прочее. Когда-нибудь мы станем духовными.

Уставившись на Древо будущего, Лукреция Немрод спросила:

– Почему вы вкладываете в это всю душу, Исидор?

– Из эгоизма, – ответил он с улыбкой. – Мой эгоистический интерес – жить в окружении людей, не испытывающих стресса. Когда люди счастливы, они к вам не пристают. Значит, чтобы мне, Исидору Каценбергу, жилось привольно, требуется счастье всего человечества, всей вселенной. Хочу пребывать в гомеостазе с человечеством, хочу, чтобы человечество пребывало в гомеостазе со вселенной! А теперь ступайте за мной, Лукреция. Нас ждет новая задача.

Он привел ее в большой конический зал, занимавший большую часть нижнего этажа водокачки. Там он достал из шкафа другую таблицу, копию той, которой девушка любовалась в соседней комнате, положил ее поверх груды книг и написал на ней красным фломастером, большими буквами:

ДРЕВО ПРОШЛОГО.

Как по волшебству откуда-то появились бутылка шампанского и два переливающихся бокала.

– Отметим начало пути!

Они чокнулись и выпили. После этого Исидор Каценберг принялся сосредоточенно, по памяти пририсовывать к ветвям дерева листочки с величайшими событиями и поворотными моментами прошлого. То были изобретения, династии, империи, путешествия, сражения, переселения народов, революции, кризисы, общественные движения... Он очень старался ничего не упустить.

Начав с современности, он двинулся вниз, спускаясь по ступеням десятилетий, потом столетий.

Через час, устав рисовать ветви и листочки, он утер со лба пот. Лукреция лишилась дара речи от восхищения. Она любовалась Древом прошлого человечества, широко раскинувшим ветви, как будто стала свидетельницей его роста из зернышка.

– Остается, конечно, загадка происхождения, – заметил Исидор Каценберг, рассматривая свое творение. – Вопросы «когда?» и «зачем?» стали признаками первого разумного человека.

И он нанес синим фломастером последний штрих – вопросительный знак где-то между 4 и 2 миллионами лет до нашей эры.

– Очень может быть, что профессор Аджемьян нашел на них ответы, – напомнила журналистка-стажерка.

Исидор Каценберг уставился на белое пятно у основания ствола.

– Раз так, правильнее всего будет еще раз как следует порыться в его квартире.

– Я уже это сделала и ничего не нашла.

Толстяк аккуратно надел колпачки на фломастеры и убрал их в деревянный пенал.

– Если кто-то пытается испепелить огнем место преступления, – сказал он, – значит, где-то там имеется информация, которую от нас пытаются скрыть.

21. В глубине пещеры

Глядя на непрекращающийся дождь, стая радуется, что нашла укрытие. То, что на них еще не напал хозяин пещеры, придает им смелости. Похоже, пещера пуста. Детям не терпится облазить грот, родители слишком утомлены, чтобы их удерживать. Безделье и любопытство гонят детвору внутрь, глубже и глубже.

Они крадутся в глубину боязливymi шажками.

Вот и первая находка – шакальи экскременты. Дальше больше – экскременты гиеновидной собаки.

Они уходят по лабиринту все дальше, туда, куда уже почти не проникает свет дня.

ОН остался стоять на пороге пещеры. Его одолевает смутное ощущение, что здесь произошли странные события.

Камни пахнут кровью и дракой.

22. Место преступления

Запах воска и хлорки ни с чем не спутаешь.

Консьержка не пожалела сил на уборку подъезда. Исидор Каценберг осмотрел почтовые ящики и попросил Лукрецию Немрод вскрыть складным ножом тот, на котором красовалось имя профессора Аджемьяна.

– Зачем? – удивилась девушка.

– Чтобы проверить дату его гибели. Штampы на письмах подскажут, с какого дня профессор перестал забирать почту.

Она послушалась и завладела пачкой писем. Самый старый штамп показал, что горничная и вправду нашла мертвое тело на следующий день после преступления.

Они поднялись по лестнице. Дверь квартиры оставалась незапертой, и они проникли внутрь без малейшего труда. В углах потолка уже начали плести паутину пауки. Лукреция Немрод повела своего спутника в кабинет покойного. Там, снова разглядывая картины с обезьяньими мордами, она хлопнула себя ладонью по лбу. Разобрав картины, она нашла искомое за изображением двух рыб, на котором рыбешка спрашивала у своей мамы, кто первым вылез из воды. Сейф в стене! Кодовый замок представлял собой три колесика с цифрами, которые бывшая воспитанница сиротского приюта тут же принялась крутить.

Исидор Каценберг зажег в комнате весь свет.

– Вы с ума сошли! Нас засекут! Немедленно погасите!

– И не подумаю. Предпочитаю работать при свете, а не в потемках. Полиция все равно сюда не вернется, а что до соседей, то они обычно трусят и стараются не замечать подозрительных звуков и света.

– А как же тот человек в обезьяньей маске?

– И этот сюда не сунется.

С этими словами Исидор Каценберг допустил еще одну неосторожность: включил стереосистему. Колонки разразились полифоническим пением пигмеев. Он порылся в баре и нашел бутылку коньяка.

– Как я погляжу, вы не испытываете стеснения во время обыска, – буркнула Лукреция Немрод, упорно крутя колесики. – Лучше бы помогли отпереть сейф! Наверняка мы найдем в нем ключ к разгадке.

– Вы отлично справляетесь одна, – отозвался он, гуляя вдоль книжных полок.

Взяв одну книгу, он сел в кресло и стал ее листать.

– Полезно проникнуться пристрастиями и душевным состоянием жертвы перед смертью, – объяснил он.

– И в каком же состоянии находился перед смертью профессор Аджемьян?

– Пока что я могу вам сказать, что он был отличным знатоком коньяков и детективов. Ученые часто зачитываются полицейскими романами, ценя закрученную интригу, которой недостает «новому роману», этим романизированным автобиографиям. По части стиля они изысканны, а вот сюжет частенько хромает. Можно подумать, что современные писатели забыли о первых сказочниках и сказителях – своих пещерных предшественниках, обладавших инстинктом рассказчиков и знавших цену преувеличения за отдыхом у костра, после охоты. Вот где истинный источник всех романов!

Луcreция все еще сражалась с тремя колесиками, высунув от усердия кончик языка.

- Вот я вас и поймала! - воскликнула она. - Вы признаете, что отсечение корней наносит вред. Даже пишущему роман полезно знать о своих корнях.

Исидор Каценберг пролистал еще несколько книг, а потом с радостным выражением лица схватил со стола футляр с ручками, достал из него резинку и подложил под блокнот.

- Детство играет? - спросила его журналистка, прижимаясь ухом к сейфу. - В вашем возрасте пора перестать забавляться с ручками и ластиками.

- На-шел! - медленно произнес он.

- Что вы нашли?

- Практически - ответ на вопрос, что собой представляет эта истории с убийством профессора Аджемьна.

Она отвлеклась от сейфа и уставилась на собеседника.

- Уже?!

- История недостающего звена известна трем людям. Профессор доверял всем троим, один из них его и убил.

Девушка вытаращила глаза.

- Откуда вы все это взяли?

- Дайте мне вашу пудреницу.

Она безропотно повиновалась.

Он достал пуховку и нанес слой пудры на поверхность блокнота, после чего дунул. Пудра разлетелась, осталась только та, что задержалась в бороздках на бумаге. Лукреция Немрод подошла и прочла три фамилии: проф. Сандерсон, проф. Конрад, проф. Ван Лисбет.

И приписка снизу: «Клуб «Откуда мы взялись?» теперь должен оказать мне поддержку. Вы трое нужны мне, чтобы поделиться тайной. В нужное время я вас созову, и вы должны непременно явиться на зов».

23. Дальше в глубь пещеры

Стая медленно уходит в чрево горы. Взрослые догнали молодняк. После экскрементов гиеновидных собак они натываются на львиный помет и сбавляют шаг. До них эту пещеру обследовали крупные хищники, наследили в ней, но по неведомым причинам не остались здесь.

Что за звери напугали львов?

Все чуют опасность и все же движутся вперед. Внезапно раздается звук, похожий на негромкое похрюкивание. Есть надежда, что это – журчание подземной реки. Если пещера пуста, и вдобавок в ней течет река, то это огромная удача! Все уже надеются здесь поселиться. Беременные самки высматривают углы, чтобы приютить там своих малышей. Кое-кто из самцов на всякий случай мочится на землю – метит территорию.

Но звук внезапно стихает. Значит, это не река.

Вожак стаи издает ответное вопросительное хрюканье.

Стая продолжает спуск. В пещере все темнее, она становится все просторнее. Их уже окружает кромешная тьма, но острота слуха и обоняния позволяет им угадывать формы стенок; обычно стае удается определить по звукам и по запахам, какие животные населяют пещеры.

Снова неясное бормотание.

Вожак опять издает ответный звук, в этот раз немного громче. Его не запугать!

Новые испражнения издают сильный запах. Неясно, кто мог их оставить, но, попробовав их на вкус, стая заключает, что они принадлежат плотоядному зверю, более того, хищнику высочайшего уровня.

В его испражнениях присутствуют даже остатки взрослого льва! Стаю колотит страх. Она всегда считала взрослого льва вершиной пищевой цепочки, а тут...

Самки предлагают повернуть назад. Вожак дает понять ворчанием, что последнее слово не будет за трусихами. Еще через несколько шагов кто-то спотыкается об остатки львиной грудной клетки.

Снова странный звук – похоже на глубокое дыхание.

Дети медлят, самки тоже. Но доминантных самцов так легко не запугаешь. Доминируемые самцы тоже не желают уподобляться малодушным самкам. Они издают негромкие звуки, обращенные к прячущемуся где-то поблизости чудовищу: покажись, мол!

Именно так оно и поступает.

В мгновение ока это стоит жизни двоим из стаи: их куски летят во тьму. Слышен только хруст: мощные челюсти перемалывают кости.

Никто не видел чудовища, но все уяснили, что оно огромное.

24. Дым и пар

Исидор Каценберг зажег на письменном столе профессора Аджемьяна лампу, чтобы лучше осветить страницу блокнота.

– Итак, имеется клуб «Откуда мы взялись?», в него входят люди, исследующие происхождение человечества. Профессор Аджемьян связался, видимо, с одним

из его членов и попросил его о помощи. Это был, без сомнения, роковой шаг: вместо того чтобы помочь, его убили.

Девушка кивнула в знак согласия, после чего принялась искать какое-нибудь приспособление. Сгодился ледоруб: пользуясь им как рычагом, она надеялась справиться с запорами сейфа.

– Вы – сторонница разрубания гордиевых узлов? – осведомился Исидор Каценберг.

– Что такое «гордиевы узлы»?

– Александру Великому попался однажды узел из веревок, который невозможно было распутать. Как все до него, он сначала попытался с ним справиться, но потом вспыл и разрубил веревки мечом. Выражение прижилось, его употребляют для обозначения людей, которым не хватает терпения, чтобы спокойно справиться с ситуацией, и они предпочитают рубить с плеча.

– Что касается меня, то я выбираю простые и быстрые решения.

Она нажала еще, и дверца наконец поддалась. Девушка посветила внутрь сейфа карманным фонариком и обнаружила двенадцать двухсотфранковых купюр и пачку порнографических журналов, которые небрежно бросила на ковер. Больше в сейфе ничего не было.

Исидор Каценберг сделал пигмейские завывания потише и уставился на взломанный сейф.

– А вы молодчина! – похвалил он Лукрецию. – Вы овладели искусством взлома в сиротском приюте?

– Вскрытие сейфов шло как факультатив, – скромно ответила она. – Я стремилась к карьере знатной бандитки, поэтому посещала вечерние курсы вместе с взрослыми. У выпускниц приюта было, знаете ли, два варианта жизненного пути: бандитизм или проституция.

– Что вы имели против проституции? – осведомился Исидор Каценберг.

– Мне слишком близка любовь, чтобы превращать ее в ремесло. К тому же я недурно начинала карьеру взломщицы.

– Почему тогда вы ушли в журналистику?

Исидор сел на диван и утонул в нем своей тушей. Так ему было удобнее слушать рассказ Лукреции.

Журналисткой она стала случайно. Дело было в Камбре, на севере Франции. Она вздумала обчистить квартиру в зажиточном районе, которую сочла пустующей. Она уже складывала в мешок серебряные приборы – серебро проще сбыть, чем картины, – как вдруг в замочной скважине завопили ключом. Она выключила фонарик и спряталась за занавеской. Но это не помогло: пришедший, увидев беспорядок в гостиной, стал искать виновника и быстро нашел воровку.

Это был крепкий мужчина, настоящий буфет на ножках. Юная Лукреция быстро убедилась, что при всех своих талантах мастера «интернат-квондо» не сможет его одолеть. Тогда она решила его разжалобить.

Миниатюрность была ей на руку. Она испробовала на колоссе свой коронный номер: сыграла бедную маленькую сиротку, брошенную родителями и обреченную на нищету. Последовал рассказ о чудовищных условиях жизни в церковных сиротских домах. В ход пошли все мифы: монахини, предпочитающие телесные наказания, принуждение к лесбийским связям...

Разговор затянулся на всю ночь. Хозяин квартиры оказался главным редактором провинциального ежедневного издания. Он не держал на грабительницу зла, наоборот, хвалил ее за смелость, находчивость и изворотливость – качества, которых, по его мнению, часто недоставало журналистской братии. Он жаловался, что в редакциях остались одни исполнители, работающие от сих до сих, пригревшиеся в кабинетах и лентящие заниматься расследованиями. С приходом нового поколения ситуация грозила усугубиться. Стажеры неизменно попадали в редакции «по благу» и грозили превратиться в таких же пресыщенных лентяев, как их старшие коллеги.

Неудивительно, что отвага и предприимчивость Лукреции Немрод привели его восторг. Последовало предложение постажироваться в его газете в Камбре.

Поначалу ей доставались одни «раздавленные собаки». Потом она перешла к репортажам об избрании «Мисс Мокрая Футболка» и о конкурсах на самую большую тыкву, дальше – к еще более серьезным темам: забастовкам и несчастным случаям в шахтах. По прошествии года, сочтя, что его протеже освоила ремесло и достойна профессионального роста, главный редактор посоветовал ей не терять время в провинции и попытать счастья в Париже. Он порекомендовал ее своему однокурснику по Школе журналистики Фрэнку Готье, заведующему научной рубрикой в «Геттёр Модерн».

– Выходит, мы с вами вошли в журналистику примерно одинаково, – сделал вывод Исидор Каценберг. – Я – через полицию, вы – через преступление.

Он встал и заходил по комнате.

– У вас наверняка привычка быстро ориентироваться на месте. Пошевелите мозгами! Что бросилось вам в глаза, когда вы впервые сюда пришли?

Она задумалась.

– Статьи. Меня поразила самоуверенность Аджемьяна. Он всюду трубил, что открыл недостающее звено.

Этот ответ толстяка-журналиста не устроил.

– Не то! Наверняка вы заметили какую-то ненормальность. Что навело вас на мысль, что убийство совершил не местный маньяк, о котором говорил полицейский инспектор?

Девушка наморщила лоб, чтобы сосредоточиться.

– Помню, я оглядела комнату... Портреты обезьян. Скелеты на крючках.

– Закройте глаза, – предложил Исидор Каценберг. – Вспомните ту картину. Восстановите по секундам, как переступили порог и что было дальше. Что показалось вам странным в квартире, где произошло преступление?

Она опустила веки, потом снова их распахнула.

– Мне жаль вас разочаровывать, но я ничего не вижу.

– Снова зажмурьтесь, дышите глубже... – Казалось, он взялся ее загипнотизировать. – Дышите. Проветрите мозги, задействуйте все нейроны, разбудите спящие уголки памяти. Смотрите замедленное кино. Ну, что навело вас на мысль, что это необычное преступление?

Она потерла себе виски, немного посидела с закрытыми глазами, а потом воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Игра слов: замок по-французски – chateau, водокачка – chateau d’eau. – Здесь и далее примечания переводчика.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/bernar-verber/otec-nashih-otcov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)